

Золотой Падисман

Меткий Вальдман

Гай Юлий Орловский
Павел Шмидт

Золотой Талисман

Гай Орловский
Мелкинд Виллейн

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Орловский Г. Ю.

Мелкинд Виллейн / Г. Ю. Орловский — «Эксмо»,
2017 — (Золотой Талисман)

ISBN 978-5-699-96418-5

Виллейн из расы мелкиндов отлично знает, как преуспеть в башне придворного колдуна: Мастера бояся, эльфам дерзи, дразни гномов и плюй на остальных. Но главное – магия, как можно больше артефактов пропусти через руки, собери по крупице драгоценную мощь! Когда таинственный чародей предложил добыть Золотой Талисман, Виллейн согласился сразу, не ломая голову, зачем тому делиться...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-96418-5

© Орловский Г. Ю., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	40
Глава 8	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Гай Юлий Орловский, Павел Павлович Шмидт Мелкинд Виллейн

© Орловский Г.Ю., Шмидт П.П., 2017

© Оформление. ООО «Издательство „Э“», 2017

С благодарностью за науку Юрию Александровичу Никитину

Часть первая

Глава 1

Плазменное сияние родилось лигах в шестидесяти над вершиной величайшей из гор, такое яркое, что ночная Луна скромно прячется за пеленой посеревшего неба.

Это я – болид, сгусток кипящего пламени, – прочертил ослепительную нить, чтобы развалиться от удара о скалы. Метеор брызнул обломками, стремясь избежать окончательной гибели на величественных и мрачных склонах, и ему удалось! Раскалённые куски раскинуло на тысячу лиг, один с шипением погрузился в тёплые моря, что у юго-западного подножия, второй закончил путь в бездонном разломе. Иные нашли временное пристанище, кто в болотах, кто в пустыне или чащобах, где не ступала нога разумных существ.

Но частица меня продолжает полный ярости полёт. Встречный ветер испуганно визжит где-то там, но не слышен – звук не в силах догнать. Подсвеченные заревом, внизу множество рыл, морд и лиц поднялись к небу. Шаманы диких племён пляшут вокруг сложенных наспех костров, пока не попадают замертво, а с коченеющих губ последний наказ – добыть! Колдуны и маги в панике выбрасываются из башен, в ладонях амулеты, что дружно потеряли мощь. По великой степи бродяги срочно сымаются на поиски небесного сокровища.

Смертельный пик позади, подо мной бесконечный склон. Малые хребты змеей пригреблись на груди отца-великана, их сменяют пустыни, а бескрайние равнины – дремучий лес. Полированной стальной проволокой мелькнула река, у широкой излучины утёс и приземистая башня, а вокруг город. Я обрушился на древнюю кладку почти вертикально, башня просела от тяжкого удара и ползёт в реку, но прежде верхние этажи ринулись лавиной каменных блоков. Я рухнул сквозь хаос изломанных балок и завесу пыли, мимо череды диких спросонья глаз – домой. В моё тело.

Звук колокола вырвал из сна, меня выгнуло дугой от макушки до пяток, но ремешки на щиколотках и запястьях держат надёжно, иначе свалился бы на ледяной пол. Обмяк на постели и лежу, весь в испарине холодного пота, чужой в собственном теле. С трудом продрал глаза. Зябко, а одеяло сползло, проклятое! По щелчку пальцев ремни отпустили и свернулись покорными кожаными змейками, второй щелчок, и над дверью полыхнул призрачный огонёк, сводчатый потолок кельи мягко рассеивает свет.

Звон умолк, и я мучительно пытаюсь вспомнить, отчего колокол в такую рань? В коридоре пронёсся звук шагов. Я мигом скатился с топчана, пол обжигает ступни, но тапки злорадно прячутся, плащ тощей фигурой на крючке у двери. Я зацепился когтями на кончиках пальцев, но кое-как нашёл рукава.

Прибежал последним и замер на пороге.

В квадратном зале ничего лишнего. В тёмных нишах узкие бойницы окон, стёкла от пыли мутные, и рассвет едва пробивается серым свечением. Вместо люстры колдовским огнём пылает синяя сфера, расцветивает под упырей лица эльфов, людей и гномов. Все зевают украдкой, разбились на кучки, лишь я сам по себе. Встал тихонечко позади, хотя из-за спин с моим ростом видать плохо. Лицом к нам высокий человек, пряди седыми волнами на плечах, массивный нос крючком и косматые брови выдают преклонный возраст, взгляд рассеян.

Стоило войти, Мастер Фитц будто чувствует: «все в сборе», степенно оправил складки на парадного кроя тунике.

– Вчера пришла весть: сказывают о тролле, что ворует скот, – возвестил колдун. – Молодой принц Джетсет поедет истребить чудовище, в сём благом деянии сопровождают верные рыцари, товарищи из знатных семей. Поможем и мы, королевской милостью, маги Его Величества. Ваша задача найти и, кр-гхм, сквать тролля магией, дабы не буйствовал, не удрал до появления рыцарей. Вопросы есть?...

В зале оживлённый гомон, эльфы светлеют лицами, прикидывают, как показать себя и заработать признательность, кто знает, самого принца. В двух шагах от меня тощий человек, куртка из дорогого вишнёвого бархата выцвела, кожа серых сапог в трещинах. Светлая грива расчёсана волосок к волоску.

– Виллейн, – обратился ко мне через губу, – получается, подвиг фальшивый? Как раз для тебя!

– Нечисть-то настоящая! Тебе ли не знать, – возразил я.

– Да, с ними за жизнь не поговоришь, – согласился человек., и смерил меня взглядом. – Но хоть на людей похожи.

– Да не тролль там, Хольстер, а огр, точно говорю! – вмешался соседний гном, глазки сверкают весело из-под массивных бровей, одна разбита. Полупудовый кулак в ссадинах шуточно тыкнул человека под рёбра. – Откуда быть троллю, до болот день пути. Крестьяне напутали, им, сиволапым, что тролль, что огр, на одно лицо!

– Сам-то знаешь, как тролля от огра отличить? – поддел я.

– Знамо! Они терпеть не могут друг друга, – хохотнул гном, от широкой улыбки рыжая борода раскололась надвое. – Как найдём, крикнешь: «Эй ты, тролль!» Врежет в ухо, значит, был огр.

– Похоже, Роуди, твой метод... проверен на себе, – невинно заметил я, глядя на фингал.

Хольстер заржал конём, Фитц неуловимым движением подаётся на звук, форменный в звёздах плащ не шелохнётся.

– Смотри, как бы ну выяснил, мелкинд ты или песчаная жаба! – выпалил Роуди, кулаки сжаты.

– Тролль или огр, его ещё найти надо, – примирительно сказал Хольстер. – Не хочется огра, с его каменной шкурой!

Рука мастера указала на них, шум голосов быстро стихает.

– Вы, двое! Да-да, отчаянных болтунов! Найдёте тролля, сторожите до утра. Хольстер! Зайди за заклинанием Пут в Афиниум, – распорядился колдун, обернулся к остальным. – А вы, с обеда и до последней пылинки наводим порядок в башне! А то по уши заросли. За работу!

Лица эльфов разочарованно вытянулись, их вожак глядит на счастливых исподлобья. Я зашипел раздражённо.

– Мастер Фитц, постойте. Что, если принц не осилит тролля? – спросил я.

– В чём сложность, Виллейн? Разве отряду благородных рыцарей не справиться с болотным чудищем?

– А вдруг – огр? – предположил я. – Уважаемый Роуди говорит верно: крестьянам не отличить от тролля.

Роуди довольно посматривает, кулаки заметно меньше.

– Хм, – задумался колдун. – Молодцы! Огр – другое дело, на него магии нет. Виллейн, тебе задание особое, – добавил он. Я ловлю свою порцию недовольных эльфийских взглядов. – Жду через час с предложением, как управиться.

Народ вереницей тянется к выходу, я ухватил Хольстера за ткань рукава. Тот вздрогнул и уставился на мои пальцы, на обсидиан аккуратно подпиленных ногтей.

– Послушай, всем известно – не любишь копаться в Афиниуме, но признаю, в конях тебе равных нет! За амулетом схожу я. Займись сборами, идёт? – предложил я.

– По рукам, – ответил он с довольным видом. – Ночная смена твоя!

Мне удаётся совладать с лицом, сказал нарочито кисло:

– Хорошо-хорошо, не говори Мастеру. Баклажку свою не забудь! У крестьян, поди, одна отравка.

– Будь спокоен, – подтвердил Хольстер. Помялся, с языка готов сорваться вопрос. Облизнул пересохшие губы. – Кстати, про отраву. Говорят, вы из кактусов вино диковинное ставите?

– Какое из них вино, горькие они. Настойки делаем, целебные, противные.

Мы во дворе. Хольстер не удостоил прощанием, потопал к королевским конюшням присмотреть лошадей, пока не разобрали гонцы и прочий дворцовый люд. Я обошёл башню, с обратной стороны спустился на пару шагов вниз по лестнице, обнаружив крепкую дверь, не пускающую в подвал случайных зевак. Чиркнул кончиком пальца по железной полосе, на противный скрежет распахнул плешивый гоблин мелкой породы.

– Тебе чего, песчаная морда?

Жёлтые клыки гоблина стёрты до резцов. Выцветшая кожа давно не видит солнца, серая как у покойника. Тщедушное тело зябко укутано тёмно-зелёным в клетку пледом. На поясе связка ключей, на шее амулет Стража, кристалл сияет порядочной толикой магии.

– Средний амулет, – ответил я, глядя от неприязни мимо на дальнюю стену, прямо по камню тонкий контур двери.

– Мастер знает? Смотри, всё расскажу, всё проверю! Распишись, – буркнуло наконец существо и кивает на стол, на амбарного вида журнал. Плотные страницы исписаны мелкими ровными буквами, у края нарочито размашистые закорючки. С удивлением вижу недавнюю запись: сам Мастер побывал до собрания.

Гоблин уже у двери, в пальцах правой амулет на цепочке, выступы годятся на скальпель хирурга. Лицо заранее сморщилось в засохшее яблочко, гоблин нажал на остриё, на подушечке пальца капля зеленоватой крови. Камень в центре амулета стрельнул рубиновым лучом, тот бежит по контуру. Целый кусок стены со скрежетом подался вглубь и вбок, пуская в Афиниум.

– Удумай кто проникнуть, сделать легко: достаточно прикончить стража собственным амулетом! – бросил я презрительно.

– Не так просто! Иди, пыжься. Как оберег создать не знаешь, а туда же – рассуждать. Все вы неучи, не чета нашему Мастеру. Тьфу! – сплюнул гоблин, звякнув ключами, вытянул свежий амулет из ящика – изящную брошь с половину ладони, в центре лучевая звезда из тусклых камней.

Я сжал челюсти до скрежета зубов.

Небольшая комната завалена вещами, на полках склянки, стоят пузато, кипы диаграмм и карт распирают шкаф. Тысяча ингредиентов в ларцах и банках, свисают пучками со стен, навалены в ящики, те сложены в штабели и мешают ходить. Лишь стопки древних книг в строгом порядке.

На мраморе стола раз и навсегда карта звёздного неба. Кладу поверх матовую бумагу, на ней вычерчен веер дуг и кривых. Карта сворачивается на краях в трубку, и я поискал чем бы ненужным прижать. На самой верхней полке пылится кус никчёмного в магии золота, грани неровные, местами – острые, не повредить бы драгоценную бумагу! Полчаса верчу и двигаю верхнюю карту так, чтобы лес с троллем попал в асцендент колдовской нашей башни.

На полках нашлась пыльная бутылка с настойкой жабьего корня, магии намёк – затуманить разум. Из ящика у стола извлёк рабские кандалы, сойдут как знаки неволи. Амулет

пристроился точно в центре диаграммы, где символ башни. Активирую! Камни налились белым, сияние лезет туманным шупальцем к лесу тролля. Настойка темнеет, багрово-красная, дрожат, треща синими искрами, оковы. Кристалл амулета вспыхнул и погас, теперь прозрачный, в глубине ждёт своего часа бешеное пламя магии.

Стрѐб со стола в широкий карман плаща.

– Приберись там, – бросил я гоблину и с ухмылкой ловлю полный возмущения взгляд.

Моя келья крошечная, тем и уютна. Светильник над дверью зачаровал сам, тот ловит движение, разгорается ярче голубым огоньком. Из мебели одѐжный шкаф и сундучок, над кроватью полки с книгами, у двери ковѐр от вечно холодного пола. Подхожу, насвистывая, дверь комнаты приоткрыта. Ворвался – постель перевѐрнута, раскиданы книги.

Противно скрипнули петли. Не успел повернуться, как сзади удар под рѐбра, второй, я пал на колени.

– Вот так, неча-была-умничать! – послышался гундосый голос. На глазах моих злые слѐзы, сквозь них расплывается трижды ломаный нос, что сидит криво на харе в застарелых шрамах. – Хы! Драить полы, пока – хых! – инородные выскочки возле наших принцев крутятся будут! Хых!

К каждому «хых» прилагается пинок. Я катаюсь мячиком, подставляя другие места под удар.

– Всѐ, с него хватит, – скомандовал второй из незваных гостей, спокойно и холодно. Я разлепил крепко зажмуренные веки, лицо с утончѐнными чертами заслоняет обзор. Кожа гладкая, борода аккуратно подстрижена, светлые локоны прячут длинные кончики ушей. Тевизль прошептал с угрозой:

– Предупреждаю, жабѐнок, в следующий раз будет гораздо хуже!

Я схватил левой за отворот эльфячей куртки, пальцы правой скользнули вдоль пояса к прохладному металлу ключа. Дѐрнул сразу обеими. Эльф кувырком через меня, с проклятием на удар коленом под дых.

«Хых! Хы! Хы-ы...»

Дверь хлопнула, топот шагов затих дальше по коридору. Встаю по стенке, рѐбра кричат резкой болью, как славно потрудились, защищая нутро. Сундучок чуть сдвинут, но заперт, целебная настойка уменьшит боль.

– Мерзкий эльф! Светлый Лес, роди его обратно.

Не успел оклематься, как дверь грохнула в третий раз. На пороге шебутной Роуди, глаза на лоб при виде разгрома.

– Что за эльф?... Даѐшь! Славно повеселились! Где девок находишь таких страстных? Взгляд гнома упирается в шкаф, из ящика наружу свисает женское бельѐ.

– Вот ведьма, забыла! – бросил я с досадой.

– Ведьма, говоришь, – протянул Роуди с ноткой уважения. Подмигнул заговорщицки. – Молодая? Не бойсь, не выдам, я это дело того, понимаю! Смотрю с утра – у Виллейна глаза красные, а гоблины донесли о глухих криках всю ночь. Захожу к приятелю – точно!

– Да я это, гм. Конечно, молодая, – выкрутился я. – Но давненько, в смысле – была здесь. Сегодня – кошмары, замучил из раза в раз один и тот же сон!

Роуди покивал, но глаза весѐлые.

– Не веришь? Ну ты и гад! Чего зашѐл-то?

– Я о Мастера поручении узнать. Придумаешь, насчѐт огра? Сболтнул сдуру, откуда, до гор ещѐ дальше, чем до болот. Подумалось, вдруг – правда, огр? Побѐет принца, нам неприятность выйдет.

– Есть одна мысль. Пойду в город. Времени, жаль, мало. Видишь – прибираться ещѐ...

– Об этом не думай, пришло гоблинов!

- Вот хорошо, и книги пускай склеят, – обрадовался я, морщусь от неловкого движения.
- Затеяники вы, погляжу, – добавил Роуди. Я послушно глазки долу, как бы в смущении.
- В лес поедem, возьми секиру получше, места почти дикие, – предложил я.

Роуди утопал собирать припас в дорогу, да под кружку пива щипать кухарок за известные места. Я спускаюсь ниже, к камерам. В подземной темнице сухо, светильники не дают расшибить лоб о низкие арочные своды, чадят дешёвым маслом.

На колоннах след крепления кристаллов – их пришлось убрать, с тех пор как дикий колдун-малефик, пойман странствующим рыцарем, вытянул магию и задал такого жару, самому Фитцу пришлось потратить месячный запас амулетов!

Клетки бестий пусты: не сезон. Гарпии строят гнёзда на кручах Заласских гор, звероватые великаны который год промышляют близ столицы Ретунии. Это голодной зимой потянется к деревням всякая нечисть, тащить скот.

Последняя в ряду камера закрыта. В двери решётчатое окошко, у дальней стены охапка грязной соломы и костлявое существо как в гнезде. Спутанные патлы волос укрывают плащом, в прорехи видны пустые мешки грудей.

– Опять мучить пришёл, – прокаркало существо хриплым голосом. – Загляни, приглублю! А-ха-ха!

Резкий смехок метнулся под арочный свод. Глаза ведьмы блестят хитрецей на остром измождённом лице.

– Нашла дурака. От тебя несёт как от столетней ведьмы!

– Я и есть столетняя. Кра-ха-ха! Подумала, опять Кривой Нос, а вместо вот какой милочек пожаловал!

По ту сторону покрывала волос кости ходуном, изо рта ведьмы непрерывный цык. Я нашарил в кармане трофей, что с пояса Тевизля.

– Зачем меня грызть? Смотри, я открываю, я – хороший! – проговорил я как пёсику.

– Ты ближе. Лёгкое мясо, – честно призналась ведьма. Крупные зубы отбивают такт, а у меня по коже мороз.

– Кто дразнил тебя – я? Мучил – я?

– Не-е ты-ы, дру-у-го-ой! Спрашивал и бил, би-ил! – завывала ведьма как безумная. – А я не зна-аю ничего!

– Врёшь!

– Не-ет! Помоги, выпусти, отдам все силы!

– Мне зачем? Я – не девка.

Ключ противно скрипнул в скважине, два поворота, и я благоразумно убрался с пути. Грязное тело уже в прыжке, неожиданно мощный удар распахнул створку. Ведьма проскрежетала когтями по полу, бросилась вновь, чуть медленнее. Я крутнулся на носке, и быстро смещаюсь в сторону. Ведьмины когти располосовали край рукава. Пролетела мимо, нога дёрнулась дать пинка по костлявой заднице.

– Песчаный ящер шустрее! Уймись, послушай, что скажу.

Я потянул из-за пояса серебряный кинжал, камень в рукояти мерцает смертельной магией. Ведьма осела, надсадно сипит, плечи опущены.

– Поквитаешься с обидчиком, слушай меня! Сиди в камере, жди. Я оставлю дверь незапертой. Затаись, придёт Гатарен, тогда действуй. Поняла?! – стеганул я приказом.

– Ясно, милочек, как не понять...

Ведьма нехотя тащится в угол камеры, спина согнута так, что кисти волочатся, по полу дымящий след от когтей. Я плотно прикрыл дверь.

– Милочек, зачем тебе Гатарена грызть? – спросила ведьма напоследок.

Но я не ответил.

Глава 2

Когда стало ясно: замок тесен королевскому двору, ползёт вместе с утёсом и вот-вот рухнет в излучину реки, стены разобрали на фундаменты. Новый королевский дворец вознёсся по соседству, от замка осталась главная башня. Старейшее здание мрачной громадой венчает край утёса, слегка покосилось и нависает над тёмной водой так, что отчаянные смельчаки ныряли с плоской крыши. Что за смельчаки – понятно, башню отдали было под королевскую тюрьму, но оказалась тесна и после запрета частной магии отошла придворному колдуну.

Новый город как выросший ребёнок – сбежал из-под присмотра древней башни на другой берег, но и там не усидел, вырвался за кольцо внутренних стен, лезет за внешние портом и предместьем. Утёс отгораживает дворец от реки, господствует над изящными строениями. Шпили ревниво тянутся повыше башни царапать небо, камень дворцовой ограды увит тёмно-зелёным плющом, прячет придворных вельмож от взглядов простого люда. Внутри не пускает стража.

Я несусь вниз по дорожке, когда-то мощённой полностью, сейчас в упадке. По бокам обычный бурьян – репейник, травы по пояс, непролазные кусты гудят шмелями, поверх зарослей мечутся бабочки-однодневки. За дворцом Старый город, широким клином от берега до берега в изгибе реки. Сверху видно, Старый город прорезан тесными улочками, дома растут вширь над головами прохожих, соседи привыкли здороваться за руку из окон вторых этажей. Поодаль от дворца глухие стены особняков уступают опрятным фасадам горожан. На перекрёстке, таком же крохотном, сколь узки улицы.

– Посторонись! – гаркнул черноволосый всадник на лёгком коне и ураганом пронёсся мимо. Я разглядел щегольской бархат, на поясе клинок в богатых ножнах. Звук множества подков разбивается о брусчатку, рыцарские кони ломают мимо, приходится вжаться в дверную нишу. За щёголем золотоволосый рыцарь, на лицо давно не молод, но телом крепкий, весь в железе доспеха, шлем приторочен к седлу могучего жеребца. Следом оруженосцы на конях попроще, последним юный паж, почти мальчишка с копьём господина. Кончик плывёт опасно близко к верёвкам с бельём, те перекинуты меж вторых этажей.

Остриё боевого копья легко нанизало полотнище, запуталось в верёвках, древко потянуло вверх и назад, выкручивая кисть. На лице пажа мгновенный испуг. Верёвка натянулась тетивой, копьё как гигантская стрела, конь сделал ещё шаг, и мальчишку выдернуло из седла как марионетку. Верёвка щёлкнула, порванная, простыни белоснежными лебедями садятся на камни мостовой.

На шум в окнах мелькают женские лица, запричитала бабка откуда-то сверху, улюлюканье и свист прохожих догнали всадников, послышалось резкое ржание – рыцари осадил коней.

– Разиня куцелапая, на девок засмотрелся? Какие кружавчики для твоей подружки! – издевательски захохотал щёголь, подъехал первым, кривит губы и смотрит сверху на оглушённого пажа.

Последним рыцарь, на загорелом лице краска гнева. Веки юноши набухли и едва держат поток слёз. Я посматриваю с интересом – что дальше – когда внезапный толчок в спину швырнул на круп рыцарского жеребца. Щёголь рьяно цапнул за рукоять меча, полоска лезвия блеснула из ножен. Престарелая экономка, это она наподдала дверью, не обращает внимания на каких-то рыцарей, шустро пихает бельё в корзину, бурчит под нос нелестное. Пробитая простыня превращает копьё в белый стяг, тот клонится в знак поражения перед коварной бабкой.

Рыцарь уже багровый.

– Сэр рыцарь! – обратился я, глядя сквозь щёголя. – Паж не нанёс урона чести – не выпустил копьё!

– Тоже мне, знаток правил выискался! – произнёс щёголь агрессивно, конь под ним, понукаем коленом, оттирает в сторону.

Рыцарь зыркнул на пажа, на копьё с белой тряпкой, брови штурмуют переносицу. Паж как перевёрнутый жук: неуклюже пытается встать, но мешает длинное копьё в крепко сжатых пальцах.

– Оставьте, сэр Хурбис, – бросил рыцарь. – Да помогите, снимите наконец эти тряпки!

Оруженосцы захлопотали над товарищем, эконожка с опаской тянет пронзённый пажом трофей. Рыцарь смерил меня с головы до ног.

– Кто таков? Ответствуй, по какому праву в людском городе?

– Меня зовут Виллейн, сэр рыцарь.

– Я знаю этого мелкинда. Подручный из башни. Колдун собрал каждой твари по паре, – вставил Хурбис. Старший рыцарь как на жабу наступил.

– Колдунишка. Сам мал, но малых защищает. Я запомнил тебя, Виллейн. Поехали, вы все! – крикнул спутникам, разворачивая коня прочь, отряд вдарил подковами по мостовой.

Мелкими барашками набежали облака, солнце бьёт в прорехи лучами, нежно-розовыми в ранний час. Я прибавил ходу.

Накануне праздника постоялые дворы забиты отрядами рыцарей со всего королевства. Цепочками вдоль домов возки и телеги, откинув дерюги, лезет дремучий со сна люд. Зевают разбойного вида вояки, увешаны разномастным оружием, вёрткие типы разминают длинные пальцы, недобрый их взгляд прилип к кошельам хозяев телег. Те проверяют по счёту тюки, всё ли на месте после ночных постояльцев. Трактирщики ставят дополнительные столы под открытое небо – кормить народ.

Лабиринт проулков ведёт на центральную, вдоль и до рынка, что у городских врат, ряд питейных. Двери ближайшей таверны полуоткрыты. Боднув створку, вынесся белобрысый парень, ноги не успевают за широкими плечами. Лужа напротив готова принять, но здоровяк, взмахнув руками, кое-как устоял. Пошарил на поясе, там тощий кошель, пальцы тщательно промяли ткань. На простом деревенском лице обида резко сменилась на злобу. Здоровяк погрозил кулаком в тёмный зёв таверны. Цедя под нос ругательства, здоровяк затопал в сторону рынка.

Я нырнул под вывеску в виде бездонной бочки. Из приоткрытой двери разноголосый шум, мощно несёт пивом и мясом, жаренным с луком. В зале под крышей коптят светильники, но толку чуть, многолетний слой сажи чудом держится поверх балок, а столы заняты выпивохами. Не беда, место близ кухни свободно, я плюхнулся на полированный задницами посетителей табурет. Отсюда хорошо виден центр, пара столов составлены торцами, за ними шумит компания: простые воины из отряда или наёмники слетелись на слух о походе. На кухню спешит девчушка, в руках пирамида пустых кружек, среди рож посетителей юное лицо с веснушками как оазис в пустыне.

– Вам дядюшку позвать?

– Да, надеюсь, не занят, – ответил я с улыбкой. Девчонка несётся дальше, скорее утка, чем лань, пропойцы провожают масляным взглядом, ладони так и тянутся отвесить шлепка по сочному заду. Полминуты, и служанка снова здесь, оловянные кубки появляются как из воздуха, следом закупоренный кувшинчик. А вот и трактирщик, редкие седые волосы тщательно прилизаны, щёки хотят стечь на плечи и держатся на бакенбардах. Руки гостеприимно в стороны.

– Виллейн, мой мальчик. Давно не заходил, не знаю, что отвечать тётушке. Мучит письмами, а ты пропадаешь, хоть и рядом! – сказал он, на лице застыла улыбка. Вдыхаю поглубже перед кольцом рук.

– Дядюшка Пикарон, сам знаешь, как не люблю людские ритуалы!

– Терпи, мой мальчик. Не тебя ли вырастила сестра, брошенного родным народом? И это твоя благодарность? Давно бы зашёл!

– Дела, дядюшка Пикарон. Тётушке так передай: пойдёт принц на Ретунию – навещу.

– То есть не скоро, – вздохнул дядюшка. Взгляд когда-то голубых, выпцветших глаз обретает на миг остроту, прячет вновь. – Бог с ним, с принцем. Лучше скажи про известное дельце, нашёл что надобно?

Стоит двинуть рукой, навалиться ладонью на стол, вышибала возле дверей нервно дёргается. Глядит только на нас, забыв про гуляк в таверне.

– С артефактом ладно вышло, спрятан в Старом городе.

– Наконец-то! Мои ребятки позаботятся, только скажи – где? – проговорил Пикарон делано ласковым голосом.

– Твои громилы шуму наделают, что люди скажут о добром Пикароне?

– Плевать, никто не смеет увести хабар из-под носа! – приглушённо воскликнул Пикарон, толстые пальцы сдавили кубок так, что тёмное вино вздувается валиком.

– Уже увели. Что толку обрушиться на простого торговца? К нему особый подход нужен. Вломишься – выставишь в дурном свете себя, поползут слухи, да и не он виновник! Вот наказать звонкой монетой...

– Выкладывай, что на уме, – велел Пикарон спокойнее.

– Доверься мне, дядюшка. Только, – сказал я, характерно потирая палец о палец, – золота дашь.

– Что-о? Нет, золота не дам!

– Репутация дорогого стоит, не жадничай. Хорошо, давай так: я заберу артефакт как трофей. Заказ давно протух и тебе он на кой ляд? На расходы сто пятьдесят серебром.

В центре зала взревели, приземистый наёмник с размаху впечатал пудовый кулак о столешницу. Пиво выпрыгнуло из кружек, взамен с балки обрушился шмат сажи. Наёмник свирепо обвёл взглядом товарищей, уставился на приятеля с острым лицом. Тот озадаченно глядит в загаженную кружку.

– Остынь! Не поддержат бороны Джетсета, – сказал с нотками сомнения остролицый, делает знаки служанке заменить кружки. – Сосунок, острой стали не пробовал! Времена нынче тревожные, бароны не выступят сами, не пустят и отпрысков. Побоятся, принц сгубит в треклятой Ретунии!

– Ретуния готова в руку пасть, слышал, что в Дециаре творится? Самое время пойти на них, всяко лучше, чем погрязнуть в междоусобице! – громыхнул приземистый. – Король стар и болен, давно не выходит на люди. Лорды чуют: конец скоро. Младших отпрысков на землю посадить хочется? А где её взять? Идти сосед на соседа, делить трижды делёное? Правильно принц задумал, пощипать Ретунию!

Служанка плеснула в кружки не глядя, шапка пены ползёт через край. Приземистый наёмник довольно крикнул, остролицый ждёт пока девчушка отойдёт подальше, проговорил вполголоса:

– Тс-с! Не ори на всю таверну, кто знает, чьи вокруг уши! Всё правильно говоришь, да что толку? Лучше здесь перетоптаться, чем схоронить кости в болотах. Что с неё взять, с Ретунии, кроме пиявок?

– Не скажи. Это от нас болота идут, в самой Ретунии всего в достатке, и земель пахотных, и лесов, полных дичи, рудники в предгорьях богатые.

– Всё равно. Как по мне, не пойду в отряд, если под стяг принца встанет!

– Дело твоё. Выпьем! Пока можно. Кабы не встретиться после по разные стороны острия копья... Трактирщик!!! Что за чёрную дрянь налили?

Пикарон метнулся к столам, на сдобном лице добродушная благодать. Я сгрёб кошель и поспешил прочь из духоты таверны.

В воротах шум, затор телег, стража ругает крестьян, взимает мелкую монету. Внутри городских стен утренний рынок, суетной и шумный. Столица требует свежего каждый день, плещется в бочках речная рыба, гуси в клетках из ивовых прутьев тянут шеи щипнуть соседний хлеб, в корзинах овощи и лесная ягода. Дородные хозяйки тщательно выбирают снесь, сразу не берут, обходят подводы, сбивая цену. Снуют оборванные мальчишки, коротко вспыхнула драка, победитель согнулся под тяжёлой корзиной и топает вслед хозяйке к поместью.

Я иду сквозь толпу к краю площади, к ряду узких домов в два этажа, нижний отдан под торговые лавки. Под вывеской в виде щита и скрещённых копий дверь нараспашку, через порог вышагнул давешний белобрысый здоровяк, лицо одуревшее, глаза прищурены на яркий свет. Следом пожилой сержант, добротный кожаный доспех прикрыт плащом цветов одного из баронов.

– Не сомневайся, будут и битвы, и доброе вино, и жаркие девки! Слыхал, поди, о ретунских проказницах? – проговорил сержант на голубом глазу, в руках длинный пергаментный свиток. – Все за счёт лорда – одёжка, жратва, и пара монет на пиво! Держи задаток. Да ты не робей, кто сказал, что в переднее войско пойдёшь? Таким увальням копьё дать – что выкинуть, в гарнизоне самое место. Отслужишь своё, найдёшь вдову добрую. Куда ещё податься? Хочешь снова навоз месить в Липких Гадюках или как там вас?

Белобрысый растерянно кивает, тянет руку поставить крест напротив имени в конце свитка. Не успевают просохнуть чернила, как тон сержанта меняется.

– А ну-ка! Чего столбом стоишь?! Марш к повозке, получишь наряд. Живо, рекрут!

Увесистый тычок в плечо отправляет незадачливого пропойцу к армейскому возку, навстречу двое поперёк себя шире, пристроить новичка. Сержант смотрит орлом в поисках новой жертвы. Я усмехнулся и качнул головой.

Дверь соседней лавки закрыта, но кто прогонит, пусть раннего, покупателя? Стучу громко, спустя минуту ещё раз, настойчиво.

– Сейчас-сейчас! – донёсся брюзжащий голос.

Стены оружейной лавки увешаны щитами на любой вкус, в стойках пилумы и копья, в углу штабелями связки стрел. На витрине детали кожаной брони, у окна сияет полированным металлом турнирный доспех, крашенные перья глухого шлема метут потолок. Хозяин лавки невысок, человек в годах, расплылся от сытой жизни.

– Неужто мелкиндам понадобилось оружие? – удивился он. – Вы больше того, по торговому делу. Или секреты пришёл выведывать?!

– Я – не торговец, – успокаивающе ответил я. – И мне действительно нужен меч. Не для себя.

– Разуй глаза, мечами не торгую. Сходи к Тремару через площадь или в предместье, в кузни, там сделают на заказ, – грубовато ответил лавочник, жестом отсылает на выход.

– Наверное, у них хорошие мечи, но мне нужен особенный! Думаю, я пришёл по адресу, – добавил я многозначительно.

Торговец глянул остро.

– Кто, говоришь, прислал?

– Дядюшка Пикарон передаёт привет.

Торговец осёкся, глазки забегали, как костяшки на счётах, направо убыток, налево прибыль. Тяжёлый вздох кладёт конец подсчётам.

– Ступай следом.

В задней комнате тесно, из мебели – стол, справа дверь в глубь дома.

– Жди, – бросил торговец. Я стиснул рукоять кинжала.

Возвращается через минуты три, в руках свёртки. Два меча брякнулись на стол, лезвие левого украшено затейливым узором, крестовина в синих сапфирах, навершие в виде волчьей пасти. Правый меч прост, рукоятка из потёртой чёрной кожи, прямая как крест гарда, лезвие обычной серой стали, в подозрительных тёмно-рыжих пятнах.

– Что с ним? – спросил я, кивая на ржавый меч. – В болоте нашли, забыли оттереть? Как рыцарю такой в руку взять? Засмеют!

– Не смотри что ржавый, да и не ржавчина вовсе, счистить не смогли, – ответил торговец, указательный палец в потолок. Продолжил шёпотом: – Меч зачарован! Не нравится, бери второй, смотри какой богатый, всего триста серебром.

– Или проклят, – предположил я.

– Как проклят?! Ты что такое говоришь!

– Поверь, я отличу магию от проклятия, – внушительно проговорил я. – Эти пятна... Нет, меч не стоит и пятидесяти. Если кто купит. Пожалуй, если пустить слух о проклятии...

– Это ложь! Я буду жаловаться!

– Страже? Как хочешь, выясним откуда меч, кто принёс, – оборвал я.

Торговец краденым приуныл, процедил сквозь зубы:

– Меньше ста не отдам! Чтоб подавился, Пикароново отродье! До чего дошли, нелюдь всякую нанимают!

– По рукам, – сказал я, пропуская брань мимо ушей.

Рынок пустеет, крестьяне засобирались, распродают за гроши последнюю снедь.

Я сворачиваю меж домов, узкий проход ведёт на пустырь, что подле городской стены. Среди кустов большие валуны, солнце целует верхушки, ящерицы жмутся брюшком, греют чешуйчатые спинки. Развернул на земле свёрток, ржавый меч поверх грубой ткани, в рыжих пятнах слабо угадываются чеканные знаки.

Пальцы нашарили на поясе кинжал, в навершии кристалл, яркая точка пляшет в прозрачной глубине. Осторожно приблизил к ржавому пятну, с грани кристалла с треском ударила искра. Тонкая пыль взвилась рыжим облачком, проступают волнистые линии знака воды. Я коснулся и символа камня, оставив нетронутым огня и воздуха. Поверхность меча чуть дрожит, нетронутые знаки вспыхнули и с дымом исчезли. Лезвие блестит, как только что из кузни.

Меч в руке как родной, кожа рукояти тёплая, а лезвие клинка пускает зайчики острой гранью, так и просится на удар. Шагнул к камням, меч в правой, рубанул со всех сил. Клинок погрузился в валун как в масло, срубил с натугой верхушку, та скользнула в траву. Ящерка отчаянно прыгнула, прилипла к срезу, слабое сияние потекло ручейками к тёмному тельцу. Я прижал пальцем за кончик хвоста, но чертовка дёрнулась, погрузилась прямо в камень.

– Сонных ингредиентов на огра нет, что остаётся? Этот меч, смею уверить – срубит каменную башку как гнилушку! Осталось передать принцу. Меня не допустят во дворец, быть может, вы сами? – предложил я.

Кабинет Мастера вызывающе просторен, в пол-этажа тесной башни. Витражные окна бросают размытые розовые и голубые пятна на мрамор пола, стопка дорогой писчей бумаги свисает с края стола, один за другим сыплет белыми листами. Стол завален книгами, корешки раскрыты, страницы в закладках. Поверх грубо пристроился меч.

Фитц замер в кресле, высокая готическая спинка заставляет держаться прямо. Взгляд колдуна прикипел к клинку, но по бледному, словно высечено из мрамора, лицу не прочесть ничего.

– Нет, отправляйся ты, отдашь капитану. Вот записка, – решил колдун, меж пальцев трепыхается перо. – Хорошая работа, Виллейн! Ты, наверное, поиздержался?

– Не без того, торговец шкуру спустил, двести серебром вынь да положи! – соврал я. – Да и амулет зачаровать бы.

– Эх, ладно. Клади сюда и поди вон, позову, – помедлив, ответил Мастер.

Я выложил амулет – серебряный кинжал, клинок особенно хорош против нежити и диких магов. Дверь закрылась, щёлкнуло язычком замка, отсекая главный секрет колдуна. Из щели возле самого пола приглушённый писк, затем вой, полыхнуло. Долгое время ничего не происходит, наконец Фитц зовёт усталым голосом. Под глазами мешки, мелкие капельки пота на восковом лбу, дышит прерывисто

– Хватит ста, знаю вас, пройдох, – сказал колдун ворчливо, выложил тугой кошель. Я поклонился, собираюсь уйти, прихватив меч. – Садись, надо поговорить!

Фитц указал на крепкий табурет, я примостился на самом краешке и застыл, вытянутый в струнку.

– О чём, Мастер?

– Сколько ты у меня, лет пять? В делах всегда первый, в городе полно приятелей. Хотя амулет твой откровенно слаб, но ты с ним ловок на удивление, я сам лучше не управился бы!

Фитц протянул кинжал, от клинка ощутимая мощь, кристалл в рукояти сияет багровым.

– Держи, теперь доступно больше. Из леса вернётесь – погляжу как вышло, доволен ли принц – объявлю первым помощником! Рыскать по окрестностям, как раньше, не выйдет, но не горюй, добавятся поручения во дворце, добавится и магии. Так что учись разговаривать со знатными людьми, а то на язык больно бойкий!

Я взвился вверх.

– Спасибо, Мастер!!! Я не подведу! – воскликнул я с ликованием.

– И ещё, – добавил Фитц настойчиво, даже с нотками беспокойства, – доверяй простую магию другим, присмотри, как Хольстер сладит с троллем.

«Делиться магией? Ага, щас!»

– Мастер, могу задать вопрос? Вы обходили стороной... в чём суть магии? Мы пользуемся амулетами разной мощи, но где источник?

Фитц помолчал, смежил веки. Я затих, тишина сгустилась до звона крови в ушах.

– Никому не известно. Я – колдун, но ни маг, ни чародей не даст ответа.

Я низко поклонился старику, скрывая гримасу разочарования. У двери обернулся: колдун сидит не шелохнувшись, взгляд устремлён на меня.

Весь путь от кабинета Фитца шёл, натываясь на стены.

Встал у подножия башни отдышаться. Старый город как на ладони, дворцовый комплекс раскинулся на треть. Леди в компании разодетых вельмож гуляют в королевском саду, скорее шипастые, чем цветущие кусты роз цепляют складки длинных платьев. На заднем дворе тренируются на мечах, звонкий стук перемежается глухими ударами. Перед величественной лестницей группа рыцарей, спорят громко, руки дёргаются к пустым ножнам. В парке, у входов, на площади, что внутри дворцовых стен полно людей воинского звания.

Я бегом понёсся по тропинке к дворцу. К стене близ ворот пристроена конюшня, изнутри зычный голос Хольстера, всё выбирает коней. Я прошёл мимо, под сень будто игрушечного барбакана. Стража лениво скрестила копыя, чеканные королевские львы на доспехах грозно скалятся.

– Я по поручению. Зачарованный клинок сэру Хурбису! – пояснил я, похлопав по свёртку, и протягиваю записку колдуна.

Стражник повертел, узкая, от бровей до края шлема, полоска лба идёт морщинами. Крикнул сержанта. На зов из караулки пружинистым шагом выскочил воин, кираса лопаётся на крепких плечах, надраена как у новобранца. Прочитал по складам, помахал стражам. Я шагнул под арочный свод, копыя уставились вверх, стражи проводят ленивыми взглядами.

– Ищи возле женщин, – бросил сержант ухмыляясь.

Задний дворик встречает тишиной, я осторожно выглянул из-за угла. Тренировочная площадка усыпана речным песком, у стены мишени, полные стрел. Щиты прибиты к стол-

бам и основательно изрублены. На толстенном бревне вытянув ноги отдыхают трое молодых рыцарей, белоснежные рубахи прилипли к спинам, лица разгорячённые. Золотые шпоры оставили на земле характерный след зубчатых колёс. Слушают четвёртого, крепыша с веснушчатым лицом и волосами цвета меди. Тот что-то говорит, руки в стороны, показывают во-от такой размер, донёсся взрыв хохота. Я осторожно приблизился, спине непривычно сгибаться в поклоне.

– Ваше Высочество...

Светловолосый рыцарь перекинул ногу через бревно, тонкие черты красивого лица пришли в движение, застыли в лёгком пренебрежении.

– Говори, раз и здесь нашёл, – сказал принц. Добавил, с подозрением глядя на меня и на свёрток, – не видел тебя прежде!

– Я из башни. Мастер Фитц поручил передать, – ответил я, крутанул свёрток. Грубая ткань летит в сторону, блеснул клинок. Ближники вскочили и ринулись, похватав мечи. Я скользнул к принцу, гибким движением припал на колено, пальцы сжимают лезвие рукоятью вперёд, голова полуопущена в поклоне, – новый клинок. Зачарован против огра, Ваше Высочество!

На лице принца не дрогнула ни чёрточка. Рыцари вскочили, в мои рёбра и шею упёрлись кончики тренировочных мечей.

– Клянусь, этот малый не промах, – проговорил принц ровным тоном, кивнул рыжему: – Сэр Хьювелл! Не вы ли утверждаете, что убийца должен быть незаметен? Посмотрите на этого...

Принц глянул на товарищей вопросительно.

– Мелкинда, Ваше Высочество! – встрял я.

– Верно. Мелкинда можно спутать с подростком, но не в двух шагах! Стоит напомнить, кто в ответе за охрану?

Рыжий рыцарь, сэр Хьювелл, сравнялся краской лица с волосами.

– Ваше Высочество! Моя вина. Он покушался...

– Будь убийцей, фут доброй стали уже сидел бы в моих внутренностях, – отчеканил принц.

Рыжий рывком забрал зачарованный клинок, едва не срезав мне пальцы, во взгляде уязвлённое самолюбие. Принц сделал знак подняться.

– Ваше Высочество, простите за выходку. Я бы не смел, но вы должны больше думать о безопасности, всё королевство с надеждой смотрит на вас!

– Что ж, ты преподал урок, не сказать приятный, – ответил принц Джетсет, – полезный, без сомнения. Как твоё имя?

– Виллейн. Я буду сторожить тролля, когда найдём.

– Езжай, – разрешил принц. – Больше не искушай моих рыцарей.

Я поклонился, повернулся уйти, ловя краем глаза задумчивые и яростные взгляды.

Глава 3

Я несусь на коне по дороге, что меж холмов, позади пыль, Роуди и Хольстер безнадежно отстали. Слева вынырнул холм, на вершине что-то виднеется. Я привстал в стременах, ослабив на миг поводья. Стоило отвлечься, норовистый жеребец забыл о ноше, дёрнул в густую траву. Стебли сочные и с хрустом лопаются под копытами, за нами просека, а пряный запах сшибает с седла. Кролики так и прыскают, прячутся в тёмных провалах нор. Я еле поймал поводья.

– Эге-гей! Подожди нас! – крикнул Роуди. Им ещё холм огигать.

Я вынесся на вершину, вокруг развалины, то ли дозорной башни, то ли крепостцы щитового рыцаря. Поверх россыпи каменных блоков непролазный бурьян, гниль рухнувших балок обживают муравьи, подозрительно крупные. Свесился с седла и подхватил чёрного с рыжиной трудягу. Стоит сдавить тугое брюшко – с жала падает капля целебного яда.

Пахнуло кислым. Я коленями легонько сжал бока жеребца, мы подъехали к бурьяну. Гигантские листья лопуха скрывают ступени, те усыпаны хламом и ведут в подвал, запах оттуда.

Я привстал на стременах. На горизонте городская стена, шпили дворца чиркают по низким, как перед грозой, тучам. К холму жмутся Малые Силки: десяток домов, копчёные крыши-дранки и перелай собак – деревня, каких сотни. Мы пошли шагом, давая Роуди и Хольстеру догнать. Единственная улочка, продолжение дороги, пуста. Потянул поводья у самого добротного дома.

– Хозяин! Есть кто?

Клацнул засов, дверь слабо скрипнула петлями. В проёме старик с заспанным лицом пробурчал:

– Кого волки несут?!

Закутанный в плащ, я не кажусь чужим и опасным, старик смело шагнул за порог. Оправил простую до колен рубаху.

– Дед, о тролле слышали? – спросил подъехавший Хольстер, слезая с лошади.

– Слыхом не слыхали, – буркнул дед. – И век бы не слыхали, всю скотину перетаскал, зараза, на луг не пустишь! – добавил крестьянин. Взмолился вдруг, заметив знатную секиру Роуди: – Сделайте что-нибудь, избавьте от напасти, я же вижу – путники не из простых!

– Что-нибудь да сделаем, – осклабился Роуди. В окне на миг показалось девичье личико, старик бросил беспокойный взгляд.

– Не видели, – уточнил я, – но уверены, что тролль?

Дед разглядел наконец под капюшоном моё лицо.

– Кому ещё быть? Вокруг что ни лес, то болото, за холмами и вовсе топь. Лучше соседа спросите, его корову первой съели, – попытался отделаться дед. – Эй, Берам! Тут к тебе, узнать надобно!

Хольстер с Роуди направились к соседнему дому.

– Почему не пожаловались лорду? – тихо спросил я.

– А нет его, зарубили лет тридцать как. Видали развалины? – ответил старик, поглядывая на мои пальцы, что крепко сжимают поводья. – Ещё прежний староста молод был, когда лорд занялся колдовством, полезла нечисть – и это у столицы под боком! Однажды явился странствующий рыцарь, и, фьюить, – крестьянин сделал жест ребром ладони по горлу. – Замок сгорел свечкой, деревня досталась королевской казне. Так и живём, случись что, идти не к кому. Только налоги дерут! Хорошо, что вы объявились.

– Не горюй, коли правда в лесу тролль, завтра сам принц с ним покончит, – обнадѣжил я, направляясь вслед спутникам.

Вместо Берама отворила встревоженная жена: муж-бортник день тому ушёл на заимку, что у края леса. Там корову и держали, на сочной-то траве. Чего зря в деревню гонять, выпустил поутру, вечером запри в сарай. За лень поплатились, коровы след простыл, но появились кое-чьи другие следы. Берам поднял деревню криком о тролле, но теперь снова в лес – пчёлы лопаются от мёда, а семью кормить надо.

Деревня позади, едем неспешно. Мимо плывёт погост, могилы странно осели, почти провалились, неухоженные. Показались скудные огороды, давно поросли бурьяном, следом море полевых цветов: мелкие фиолетовые и белые, крупнее розовые и жёлтые, гроздьями облепили стебли. Тощие пчёлы зависают на миг, летят, экономя движения, к соседнему. Те, что с раздутым брюшком, гудят тоном ниже, возвращаются к лесу.

Как ни прячась гном по глаза в рыжей своей бородине, видно – доволен. На губах ухмылка, пальцы отбивают бодрую дробь по обуху секиры. Внучка старосты, смешливая девчонка с озорным взглядом, сторговала Роуди жареных куриц и жбан пива, и гном забыл обо всём в предвкушении трапезы. Хольстер едет задумчиво, в пальцах платок с вензелями промакнуть мелкие капельки на лбу. Взгляд прилип к земле в поисках следов. Четверть часа и вдалеке лес стеной, густой подлесок как авангард древесного войска. То и дело кони ступают мимо тропы, брезгливо взбрыкивают, пробив копытом гнилой ствол. Небо льёт жемчужным светом в проплешины частых вырубок.

Зафыркали лошади. Тропинка обрывается у поляны, на ней сарай из жердей, дверь выдрана наружу и лежит подле. Бухнул сапогами Роуди, но дальше скользит неслышно, мягким боевым шагом, ладонь на рукояти секиры. Сухая грязь у входа хранит устрашающий след босой ноги, моих две ступни влезет. Хольстер уже там, бухнулся на колени, приник к отпечатку, пальцы щупают углубления, растёрли комок земли.

– Не могу понять, здоровенный тролль или даже великан. Если великан, почему босой? Если тролль, не слыхал о таких, вот ведь вымахал! – сказал Хольстер задумчиво. Поднялся, тщательно отирая ладони платком. Повернулся на возглас. – Что-то нашёл?

Гном выскочил из сарайки, глаза выпучены, дышит через рукав.

– Там! Висит! Ну и вонь, – прогундосил он.

– Говори толком, что висит? – спросил я. Роуди махнул рукой, с силой сплюнул. Ругнулся, следом звонко хлопнула из жбана пробка.

Я вошёл в сарайку, вдохнув про запас. На потолочной балке верёвка, конец перехлёстнут несколько раз. На втором подвешено тело, медленно поворачивается, показался раздутый живот. Болотные мухи остервенело жужжат, облепили лицо так, что не узнать под сплошной чёрной с зеленью массой. На утоптанном в камень земляном полу следы каблуков и узкие порезы, как от ножа.

– Нашлась пропажа, – сообщил я выходя. – Интересно, на что они рассчитывали, что тролль и труп сожрёт?

– Кто они, кого сожрёт? – спросил Хольстер, заглядывает в сарай сам.

– Бортник нашёлся, – ответил я. – Коней придётся оставить здесь, в чащу не пройдут. Но поодаль, нервничают от вони.

– И что, не похороним? – возмутился Хольстер. – Как можно!

– У нас дело или хочешь вернуться, спешешь обрадовать вдову? – рявкнул я.

За домом полые колоды для пчёл, выстроились в ряд вдоль деревьев, языки янтарного мёда водопадами из вертикальных щелей. Роуди уже там, сорвал по дороге широченный лист и ловит липкую сладость. Пчёлы гудят протестующе, собирают ударный отряд.

– Ты как пожар. Бери поклажу! – поторопил я нервно.

– Чего добру пропадать, – степенно возразил Роуди.

Заимка позади, чаща обступает со всех сторон. Высокие кроны душат свет, понизу затянуло папоротником, полно сломанных деревьев, иные стволы косо лежат на соседях и

ссадят опрометчивого конника. Давно упавшие брёвна прячутся под тёмно-зелёной шубой, на одном мох мощно содран до трухлявой поддёвы. Впереди Хольстер, мягко ступает по следу. Вторым ломит Роуди, навьючен припасами, тяжёлые башмаки бухают так, что птичьи яйца из гнёзд сыплются.

– Тс-с! Тише ты! – шикнул Хольстер, оглянувшись. – Прёшь как сохатый! Смотри, охотничек пожалует.

След в старую балку, бывший овраг давно заплыл, порос непролазным кустарником. Хольстер вдруг поднял руку, мы послушно замерли. Наш провожатый махнул в обход. Я плетусь последним, полы плаща путаются в ногах, ветки тянутся схватить узловатыми пальцами.

– Всё, стойте. Поверьте чутью, тролль обосновался в овраге, – прошептал Хольстер. Мы замерли. – На разведку пошлём пустынного, его не жалко.

– Лучше разорившегося дворянина, будет что сказать кредиторам, – не остался в долгу я.

– Чего уставились? Я не допил, а есть даже не начал! – гроыхнул гном. – Вид тролля не способствует аппетиту!

– Ладно, бог с вами. Вы бы отошли, лагерь разбили, найду потом.

Я сунул постылый плащ Хольстеру, тот взял как отравленный. Ужом скользнул в заросли поверху бывшего оврага, последнюю дюжину шагов ползком на брюхе. Осторожно раздвинул ветви. Дальний склон нависает невысоким обрывом, на самом краю дуб, могучие корни пронзают толщу земли насквозь, хоботами тянутся к поверхности воды. Я присмотрелся, в глубине под утёсом бьёт источник, дальше заводь, ручей весело журчит вдоль и на выход из оврага. Возле потока сидит, скрестив ноги, мосластый тролль, голые ступни баламутят студёную воду, мелкие рыбки в ужасе прыгают на берег, прочь из грязных струй. В кулаке тролля обломок берцовой кости с тёмными нитками жил на верхушке, чудище стучит вторым обломанным торцом о камень. Сложил губы трубочкой, с хлюпом тянет сладкий мозг. Глянул с интересом внутрь, постучал ещё, последние крошки раскрасили камень алым и серым. Недовольный рык так и рвётся из глотки, кость полетела в кучу обглоданных. Тролль неожиданно ловко для столь длинного тела поднялся, кисти рук понизил колен, подхватил сучковатую дубину из обломка цельного ствола. Опасный противник!

Я проводил щетинистую спину пристальным взглядом, тролль вздрогнул, заозирался. Я отшатнулся, ветки сомкнулись перед глазами, но успел заметить: на груди тролля зеленоватая искорка, какой-то камень, кулон!

Низина для лагеря круглая, будто великан припечатал гигантской пяткой. В свежей яме дрова для костра, поверху еловый лапник – фильтровать дым. Роуди наклонился и вытянул над кострищем руку, от широкой ладони волны жара, но лесные валежины лишь слабо парят. Я торопливо скользнул по склону.

– Стой! Унюхает!

– Нашёл, это кто, тролль? – спросил Роуди, отступив на шаг.

– Похож на болотного. Не из горных точно: меха нет. Пластин брони, как у огра, тоже. Побрёл на охоту. Погоди с огнём! К вечеру вернётся, спать ляжет, тогда и ужин. Пока сидим тихо.

Гном недовольно устроился на трухлявом бревне, спрятал оберег в карман, в руках жбан из горки припасов. Пенная струя хлынула в глотку, борода ловит заблудшие капли, те прячутся в буйстве рыжеватых волос.

– Надо было Хольстеру идти, задержал бы заклинанием Пут.

– Нельзя, до утра магии не хватит, развеется, – ответил я, садясь напротив. – Кстати, он где?

– Ушёл разведать. Надеюсь, не встретятся! – усмехнулся гном, в глазах озорные огоньки.

– Если что, услышим, – поддержал я со смешком. – Не пойму, как тролль сюда явился, от болот топать и топать через населённые земли.

– Может, изгой, выгнали? – предположил Роуди равнодушно. – Какая разница, всё тебе допытывать надо. Наше дело простое, колдануть Путы и ждать рыцарей. – Роуди помедлил, спросил с хитрецей: – Правду говорят, Фитц прочит тебя на своё место?

– С чего взял? – насторожился я.

– Как с чего, слухи давно ходят. Во дворце недовольство, поговаривают, зачем колдун нужен, какой с него прок? Сам заметил, поди, амулеты слабеют, про обереги вообще молчу. Иссаж наш Мастер!

– Или магия иссякла. Но при чём здесь я? Я не умею того, что может Фитц.

– Не ты ли все окрестности излазил? Мастер начинал так же.

– И нашёл свой источник магии? – предположил я. – Но я не нашёл.

– Про сундучок твой все знают, кабы не хитроумный замок, разграбили давно сокровища! – проговорил гном недоверчиво.

– Нечего там искать, пара настоек, и всё. Просто не люблю, когда в мои вещи лезут, – сказал я раздражённо, вот ведь гномий упрямец!

Роуди подобрался, голос тихий, почти шёпот.

– Искать не надо, у Мастера могучий амулет есть, точно знаю! Только не даётся ему уже. Или иссяк. Но нам – хватит!

– В заговор вербуешь? – спросил я шутливо, но по коже мороз. – Мастер жив и здоров, трудности, уверен, временные.

– Да не, ты что?! – сказал Роуди, отшатнувшись. – Это я так, шуткую... Если что – не забывай старого приятеля!

Гном порылся в горке припасов и принялся увлечённо глотать куриную ногу.

– У меня дело. Будьте здесь до утра, вернусь поздно. Или рано, – скомандовал я. Роуди подавился, закашлял, прикрыв рот широкой ладонью.

– Постой, мне тоже надо, э-э, в деревню, – забеспокоился Роуди.

– Хорошо. Дождись Хольстера, пусть на ночь ещё раз проверит овражек. Только тихо там, не спугните!

– Ты сам куда?

– Хольстер прав: нужно похоронить пасечника.

Я подхватил плащ и зашагал уверенно в сторону деревни.

Солнце к закату, висит приплюснутым красным шаром. Разлапистые тени деревьев сплетают пальцы в сплошную черноту. Я порядком заплутал. Наконец, займака, встречает фырканием, кони копытают землю и косят нехорошим глазом на тугие бока товарищей, норовят ухватить зубами. Конячьи губы обиженно обшарили пустую ладонь. Я огляделся, но сена пасечник не держит – дикое поле рядом.

– Ладно, мёда дам. Смотрите, не привыкайте! – сказал я, похлопывая жеребца по боку.

Прошёлся вдоль колод, пчёлы перетрудились за день и сидят тихо, только дальняя колода вяло жужжит. Из длинной щели слабо сияет, пчёлы вылетают на миг и обратно. Я залез в дупло колоды по локоть, пальцы нащупали липкий прохладный металл. В ладони небольшая медная пластина, в центре мутный камень сочится зелёным дымком, ядовито-ярким в тусклых сумерках. Выбросил безделушку и, заранее вдохнув, повёл лошадь Хольстера в сарай.

К деревне домчались мигом, лошадь рвёт поводья и обгоняет моего жеребца, лишь бы сбежать из-под страшного груза. Жители не спят против сельского обыкновения, бродят

взбудораженные от дома к дому. Заметили издали и обступили. Давешний староста показался из дома, сразу понял, крестится на покойника. Следом вышел бугай, точная копия, но моложе, подошёл к вдове и давай в дом уводить под руки.

– Вот баба, говорил, доведёт муженька до ручки! – провозгласил староста, оглянувшись, ища поддержки. Люди молча отводят взгляд, один крестьянин в годах сплюнул зло, но украдкой.

– Ты! – сказал я, пальцем указываю на несогласного. – Вижу, есть что сказать. Не бойся. Слушайте все! Я здесь от имени принца Джетсета!

Народ зашумел, крестьянин помялся, махнул рукой – была не была!

– Брешет староста, дружно они жили. Это егойный сынок, понимаешь, к Берамовой жинке приставал. А теперь, как ладно устроилось!

Староста побагровел, брызнул слюной.

– Враньё, не ты ли с Берамом клин на дальнем поле не поделил?! Что ни праздник, морды бьёте!

– Верно! Верно говорит! – прилетели голоса, не пойми про кого. Бугай выскочил на шум, набычился, прёт на толпу, маленькая голова со скошенным лбом втянулась как у черепахи, под защиту широких плеч, руки, с ладонями размером со штык лопаты, в стороны. Из домов бегут крепкие парни, кто на чьей стороне, вот первому засветили в ухо.

Я поморщился и подал коня назад, делаю знак старосте. Мы встали подальше от молодецкой драки.

– Всё ясно с вами. Скажите только, видали кого чужого? За день-два как тролль объявился?

Пятерня поскребла седые кудри, развитые брови с толстыми, как червячки, белёсыми волосками сошлись на переносице. Спустя миг старик просиял.

– Точно, было! Малой прибежал, трещал, да не поверил никто. Где видано, чтоб человек с эльфом под ручку ходили!

Драка тем временем утихла. Страх последних дней вспыхнул короткой яростью, но быстро иссяк: деревенские выплюнули застарелые обиды, как часто бывает, вместе с зубами.

Я оставил Малые Силки вытирать кровь с разбитых рож и хоронить мертвеца.

Глава 4

Деревянный замок щитового рыцаря – одно название, в скудных развалинах коня привязать не к чему. Сгорело всё. От конюшни ржавой подковы не осталось, от башни уцелел подвал. Я бросил поводья, жеребец только рад, под копытами буйство сочной травы.

Вход в подвал опрометчиво заплёл паук, сидит в центре как страж, лапки на сигнальных нитях. Я присмотрелся к рисунку, тот не привычной спиралью, а хаотичными зигзагами. Паук оброс жёстким панцирем, мягкое брюшко в хитиновой броне, не паук, а рыцарь!

Сэр паук отправился пытаться счастья в траве, я брезгливо, одними когтями сорвал паутину. Дюжина ступеней ведёт в подвал, после яркого дня спускаюсь на ощупь. Пара шагов в сторону, и подошва хрустнула веткой, я нашарил на холодном камне пола запас хвороста, какие-то тряпки. Несколько движений, и в руке вполне приличный факел. Правая ладонь легла на рифлёную рукоять кинжала, в глубине кристалла, что в наверху, слабо мерцает. Я милостиво позволил огоньку пожить. Вспыхнуло слепяще белым, и сразу занялась тряпка – оранжевым с копотью.

Дрожащее пламя высвечивает истёртые ступени, тьма отступила до стен, лишь застарелое пятно костра на полу противится натиску. Сводчатый подвал пуст. Иду вдоль стен, в правом углу детский тайничок: куклы из соломы, перевязаны яркой нитью, цветные осколки стекла. Факел всюду горит ровно, только над остатками ростовой бочки – такую дружине на месяц – стреляет синими сполохами. Зверьё натаскало мелкий мусор, но сквозь пучки травы и кости видны следы. Шаркнул пару раз ногой подле бочки. Так и есть, царапины! Глубокие, словно бочку часто двигали. К стене привалилось дубовое дно, большое, как щит горного великана. Отвалил с грохотом, за ним ничего, блоки сидят дружно, лезвие ножа не всунуть.

Мягкий металл кинжала с трудом царапает древесину, та задубела, чёрная от множества вин. Линия за линией, дно покрывается рисунком, увеличенной копией паутины. В царапинах мягкое лезвие оставляет частицы серебра, как если волосаную струну заложили вглубь. Прозрачная капля кислоты пала точно в центр рисунка, растеклась с шипением по царапинам. Узор пыхнул дымом, провалился вглубь, оставляя тонкие, как от бритвы, щели. Плиты пола приняли удар, геометрической формы чурки вперемежку с камнем лавиной исчезли в провале.

Чёткий квадрат дыры затянут серой пеленой, я с опаской прыгнул, ступнёй неудачно на обломок камня. Прихрамывая и кашляя в клубы пыли, побрёл по короткому тоннелю, над головой своды из тёмного, набухшего влагой кирпича. Несколько шагов из пыльного облака, и проступает решётка двери. В петлях навесной замок, такой старый, только тронь – развалится. Некогда толстые прутья колют пальцы чешуйками ржавчины, стоит коснуться, по ладони, от запястья к локтю бежит ледяная змейка рыжей влаги. Дверь скрипит протестующе, тяжёлый замок держится миг, но сдался, рухнул на пол. Прихрамываю дальше, по бокам земляные стены, потолок в деревянных чёрных от сырости крепях. Поверхность холма близко: бледные корни заполонили тоннель донизу, щекочут белёсыми щупальцами, потревоженные, мстительно сыпят землёй за шиворот.

На стенах набухают частые крупные капли, едва коснутся боками, стремительной змейкой несутся вниз. Повороты плавно закручивают тоннель вниз, местами лужи глубоки, и вода норовит перелить за голенища сапог. Сырость под ногами спадает перед тремя ступенями к обитой железом двери. Громкий скрип метнулся в тоннель, там и затих. За дверью обширный зал со слишком высоким для подземелья арочным сводом. Огромный стол в полкомнаты разбит, серые от пыли щепки вперемешку с осколками стекла. Шкафы вдоль стен как пустые рамки, полки сломаны пополам молодецким ударом, содержимое исчезло. По

комнате частями вольно разлёгся скелет великана: рука здесь, вторая там, крепко вцепилась в дубину, головы нет вовсе.

В углу, за занавесками, альков, поверх ткани слой грязной паутины, плотной как вата. Я подошёл ближе, пламя факела тянется к сухому, пустить пожар. В алькове кушетка. Трухлявое ложе продавлено до деревянной основы под тяжестью тела в доспехах. Тусклая сталь покрыта множеством бурых пятен так, что герб не различить. Седые волосы укрывают рыцаря одеялом, доросли до пола, отдельные пряди косо обрезаны, лицо в бороде по глаза. По телу снуют рыжие, с жирную белку, анты, особо настырный лезет ко рту, в сяжках светится перламутром липкая дрянь.

– Кыш, прочь! – крикнул я и сую факел. Ант отшатнулся от огня, исчез в тёмном провале на стыке пола и стен. Воспалённые веки старца дрогнули, тяжело, как стальная решётка, идут вверх.

– Кто здесь? – с трудом прошептал старик. – Подойди... великан или злобный колдун... мне уже всё равно.

– Кто вы? – спросил я с опаской, но шагаю ближе. – Подождите, уберу тварей! Надо вынести вас наружу.

– Поздно, я давно мёртв... почти мёртв, – прохрипел старик, отвыкшее горло с трудом повинуется. – Эти... твари... кормили и заботились много лет.

– Что случилось, почему вы здесь? Крестьяне сказывали, вы и есть тот самый рыцарь, что победил малефика?

– Малефика? – сказал старик, губы кривятся в подобии горькой усмешки. – Что ещё мог придумать он... слушай, люди должны знать правду! – горячо зашептал рыцарь. – Я лорд, я жил в замке с прекрасной женой и детьми... король призвал... долг вассала...

– Сейчас, дам воды, – сказал я, доставая фляжку.

– Нет!!! Вода теперь яд! – воскликнул древний рыцарь. И, словно потратил силы, рассказ даётся всё труднее. – Поход был долгий, битвы жестоки... посчитали меня мёртвым, раненый, попал в плен... слишком беден для выкупа... я сбежал! Весть о гибели обогнала надолго... Проклятый колдун! Откуда взялся в моём замке?!

Руки рыцаря дёрнулись задушить неведомого врага. Я отпрянул.

– Зачем всё это говорите? Меня не касается, приведу помощь, и только!

Рыцарь не услышал моих слов, продолжил тише:

– Гильберта не виновна... околдовал... я появился среди ночи, ворвался в ярости, рубил всех... но подлый фетишир ударил в спину...

Голос перешёл в шёпот, я склонился ближе.

– Найди сына!!! Отдай фамильный меч, он не прост, рубит горных... расскажи, как было... обещай, ты должен!

Тело рыцаря обмякло на кушетке, выражение вечной муки уходит медленно, искорка смысла исчезла из глаз. Я торопливо прикрыл старику веки, а самого укутал ватой паутины, получил саван. Отступил на шаг в жутком смятении.

Взгляд метнулся по комнате, я обошёл, проверил дважды – меча нигде нет.

В дальней стене узкая дыра, камни кладки рядом и присыпаны песчаным грунтом. Из тоннеля, как из слуховой трубки, шорох и влажное бульканье, кислая вонь. Стенки в затверделой слизи, светятся на манер болотных гнилушек, пальцы приятно холодит эта гладкая, как слюда, корка. Втиснулся внутрь. Мелких трещин хватало жучиным лапкам, но не мне, извиваюсь как червь, ползу, локоть за локтем. Шкуродёрный поворот и тоннель уводит вниз, я заскользил как на салазках. Стенки внезапно исчезли, я рухнул с высоты, локоть смягчил удар, но приложило виском о пол подземной камеры. Перекатился, по колено в прозрачных пустых коконах, одежда заляпана субстанцией, белёсой и склизкой на вид. В голове звенит,

рука тянется к ссадине, кровь чёрная в призрачном свете, стекает по пальцам тугой каплей. Глянул под свод – лаз высоко, слишком высоко!

Стены комнаты из светлого песчаника, напротив друг друга две узких щели в полный рост, я протиснулся в ту, что шире, дальше наклонный коридор. Тянет неуместной свежестью, несколько глубоких вдохов полнят пьянящим чувством. Боль скукожилась в затылок, ушла совсем.

Пол старательно выровнен, как и стены, поверх закован в слой твёрдой слизи, гладкой настолько, что подошвы скользят как по льду. Потолок в шубе светлой плесени, та живёт своей жизнью, пушистые лохмы прячут мелких, с кулак, постояльцев.

Мягкое шуршание хитина лезет в уши задолго до развилки, даже перекрёстка, поперёк река деловитых антов, крупных по колено. Тащат нужные в жуцином хозяйстве вещи: личинок, куски еды, комочки прозрачного, щепки и мусор. Из-за спины, напугав до икоты, вдруг выскочил рыжий собрат помельче, в лапах пучок седых волос, втиснулся в поток. Я нагло влез следом. Сяжки антов по-хозяйски щекочут ногу, я поспешил шагнуть. По ту сторону короткий переход, ведёт в лабиринт боковых ответвлений. Кинжал легко оставляет отметки на пористом камне.

Длинные ходы изредка радуют боковыми камерами, в них жильцы – устрашающего размера бочонки белой плоти, короткие ножки по бокам и мелкие жвала с худых времён. Одного облепили анты, пока двое спереди кормят бочонок, четверо сзади уже дерут мягкую плоть на части. Короткая перепалка, полная взмахов сяжек и кислой вони, и кормящие убрались, бросили питательную слизь. На меня анты внимания не обращают, лишь изредка замираю, пока щупают антеннами. Натыкаются на белёсую дрянь, что размазана по одежде, и равнодушно спешат дальше.

Ходы сменяются развилками, те снова ходами, я тщательно помечаю выбранный путь. Тоннели идут без уклона, одинаковые как близнецы, и я потерял счёт времени. В мелкой фляжке давно сухо, но хуже жажды слабость и лёгкая тошнота. Воздух в подземелье удивительно свежий. Несколько раз ставлю двойные отметки, выскочил особенный перекрёсток: все ходы помечены дважды. Пошёл медленно, пальцы щупают камень, стучу костяшками на предмет скрытых лазов. Зашуршало, я заозирался – никого. Глянул вверх, волны плесени раздались в стороны, на шею валится коричневое тельце. Лапки с ворсинками на кончике зацепились за одежду, антенны больно хлещут по лицу. С трудом отодрал паршивца, ант деловито припустил по тоннелю.

Я присел пружинисто, ещё и ещё раз, нагнать кровь в мышцы ног, только так срабатывает взрывная сила мелкиндов. Взвился ввысь, пальцы вцепились в неровный край дыры. Легко подтянулся, нити плесени щекочут, лезут в глаза и рот. Плююсь, ползу в поперечный тоннель, тёмный, неровный и узкий. С каждым ползком сыпется сверху, в волосах песок. Тоннель ныряет вниз, уводит вбок, то и дело сужается, норовя поймать чужака.

Могучий звук порвал писк тишины в ушах, громкий и шлёпающий, словно гигантская жаба шмякнулась толстым брюхом о гладкие камни. Тоннель ходуном, в спину ударило струёй воздуха, свод узкого лаза проседает на глазах. Не помня себя, лезу, до вырванных когтей гребу скрюченными пальцами, ступнями пропихиваю каменный песок взад. Каждый вдох даётся с трудом, пыль скрипит на зубах.

Сквозь слезы замаячило светлое пятно выхода.

Горло саднит нещадно, на месте обломанных когтей тренькают болью пальцы, что скребут о неровный пол. Нога волочится, подпрыгивает на неровностях, левая подвешена, прихвачена за штанину как прищепкой. Меня плавно несут, даже тащат, в спину вдавились гладкие – с трудом вывернул шею глянуть – бока антов. Тело как ватой набито, кожу рук и лица жжёт, вместо мышц тягучий кисель. Осторожно пробую шевелить пальцами – полу-

чилося не сразу, как если мышцы посовещались, исполнять ли приказ хозяина, и решили с ленцой – ну ла-адно!

Потолок высок и уплывает в сторону ног, выпустил перламутрового оттенка клыки. Капли светящейся жижи срываются с кончиков сталактитов, собираются в яркие лужицы, те прорезали камень пола щелями ручейков. Я скосил глаза – пещера огромна. Потолок скрывает жемчужный туман, в дальнем конце озеро света. В стенах провалы тысячи ходов, мелькают анты, тащат грузы к подземному озеру, в обратный путь с густой светящейся жижей в жвалах.

Большая группа волочёт укутанный тканью груз размером с тело. Жидкость приняла с тихим плеском, в ответ поверхность бурлит, волна кислой вони накрыла и нас, заставляет дёргаться как в экстазе провожатых. Озеро плюнуло к берегу порцию влаги, ближайшие насекомые подхватывают антеннами комки света, но сами в воду не лезут. Нагруженные, несут в глубь неведомых проходов.

Я пошевелил рукой, отчаянно дёрнул, жвала анта клацнули в пустоте. Усы замелькали в сложном танце, словно на зов, набежали полдюжины антов ещё крупнее, вцепились со всех сторон, зацепили кожу, того и гляди, вырвут кус мяса. Меня потащили, но не к озеру. Я расслабил мышцы.

Процессия встала полукругом возле странного сооружения, похоже на осиное гнездо, прилепленное к полу. Стенки из веток, хитина и каких-то серых нитей щедро измазаны окаменевшей слизью, та испускает слабый свет. Анты построились в живой намёт, меня передали по лапам. Жвала последних разжались, я рухнул в камеру, из груди вылетел короткий вскрик. Подо мной мягко спружинило, охнуло, я скатился с охапки тощих рук и ног. К конечностям прилагается тело и голова, лицо, заросшее бородой с проседью, разразилось потоком непонятных слов. Я переждал, пока выдохся. Человек воскликнул удивлённо и радостно:

– Как чудесно, что вы здесь! Просто замечательно!

– Не вижу ничего хорошего, – не согласился я. – Кто вы?

– Лучше здесь в камере, чем быть коллективно переваренным в этом милом озерце, – ехидно ответил заключённый. – Я имею честь быть магом, даже чародеем! Э-э, не подскажите, который день и год там, наверху?

Чародей поднялся, рёбра горделиво натягивают кожу, тощая шея с трудом держит важный наклон головы.

– Не слышал про чародеев в муравьиной тюрьме, – усомнился я, – если маг, почему не сбежали?... Год двадцать седьмой правления Его Величества Джерона, аккурат середина лета.

Я устроился поудобнее, вставать нет ни сил, ни надобности.

– Лето хорошо, признаться, давно не видел лучей солнца, да и основательно промёрз. Но позвольте узнать, Джерон властитель какого королевства? Впрочем, не говорите, эта привычка мерить года королями совершенно не устраивает!

– В вашем положении грех привередничать. Расскажите про подземелье, как застряли? Что нас ждёт?

Чародей вздохнул, сел напротив, скрестив ноги, держит паузу. Я начал закипать.

– Это муравейник, гигантский, полный магии, – начал наконец чародей академическим тоном.

– Пока ничего нового, знаете ли, сам заметил аномальный размер!

– Не перебивайте! Времени мало, скоро они вернутся, и, кто знает, что ожидает вас.

– За себя не беспокоитесь, почему?

– Знаю точно, зачем нужен, – горько сказал чародей. – Точнее, зачем не нужен. Про вас же ничего не известно, свалились буквально на голову! – Чародей помолчал, пошамкал губами и продолжил: – Увы, я лишился всех сил, видели светящееся озеро? Вся магия там.

Не спрашивайте, как случилось, они тянули до последней капли, как крестьянская девка корову доит. Теперь я иссяк, увы, для меня... и для вас! Что-то подсказывает: вы пойманы на замену. Ваша история столь же нелепа?

– Да, наверное. Я простой помощник колдуна, – признался я, скривившись, – полез сдуру на поиски источника магии.

– Так вы маг! Я подозревал, иначе зачем сюда бросили?

– Пока нет, сам магию создавать не способен.

– Не важно, главное, у вас амулет есть? Хотя бы оберег с толикой магии?

Чародей вскочил в полный рост, и, если бы не худоба, сложением рыцарю на зависть.

– Допустим, что с того?

– Как что, покажите амулет немедленно! Я легко выдерну обоих из этой печальной обители, потребуется совсем немного!

– Не очень доверяю попавшим впросак чародеям, – ответил я скептически. – Уверен, выберусь без вашей помощи.

Я поднялся, размял руки, ноги, как перед дракой.

– Пойдите! – заволновался маг. – У меня есть что предложить! Великий Талисман упадёт... э-э... уже упал, не знаю, надо уточнить дату. Он – ваш, только помогите выбраться, не пожалеете!

– Почему я должен верить?

– Да-да, понимаю вас, человек в моём отчаянном положении может и солгать... я не пустобрёх! Разве магия места не говорит, какая мощь доступна?! Сомневаетесь во мне, поверьте самой магии!

Я нехотя нашарил кинжал, кристалл тусклый после упражнений с паутиной, но толика магии есть. Чародей глянул вскользь, брови сошлись на переносице, бросились на лоб.

– Гм, здесь меньше, чем я привык называть «совсем немного». Молодой, не знаю какой расы, человек! Стыдно зваться магом с таким запасом магии!

Я зашипел от негодования.

– Я из мелкиндов! Мой народ вытеснили в пустыни, и пустыня нас изменила. Сами видите, силой и ростом не вышли, но, уверяю, голова варит что надо. Как правило. Часть мелкиндов вернулась, зацепилась в городах, – ответил я, пересилив себя. – Только не по мне это, в пустыне ящеров гонять или делишки торговые обделывать!

– Что по тебе, юный мелкинд? – спросил чародей терпеливо, как на экзамене. – Ты говоришь о сородичах... как о чужих.

Во рту пересохло, а мысли путаются как на экзамене у Фитца.

– Магия. Хочу понять, откуда берётся, не амулеты, но сама суть. Что это такое – магия? Почему мы как нищие добываем крохи сил, служа наглым разбойникам-лордам? Почему магия под запретом в известных королевствах и позволяют колдовать в строго отмеренных порциях?

Чародей помедлил, смотрит внимательно, облик наливается силой.

– Хм, истину ищешь, первоисточник?... Пойдёт, хотя, не имеет значения, важнее чьи будешь, – туманно выразился чародей. – Про Талисман не забудь, он совершенно особенный. Гм, решено! Дам шанс выбраться, а ты поможешь мне, нам обоим, мелкинд Виллейн. Давай кинжал!

Я заворожённо протянул вперёд лезвием, пальцы чародея вцепились в серебро клинка. Кристалл мгновенно погас, вокруг чародея вихрем взметнулись молнии, арками долбят в стены камеры, однашибанула в меня. Я впечатался в стенку, мышцы лопаются от судороги, в глазах темно от боли. Чародей исчез с хлопком, вырвав нож из скрюченных пальцев, лохмотья узника серыми хлопьями падают вниз.

Меня перестало корчить, я скрючился на полу в совершенном отчаянии. Одно хорошо, встряска молнией прогнала слабость мышц.

Глава 5

Я пнул в ярости в стенку. Ступня неожиданно легко пробила пожжённую молнией поверхность. Несколько минут работы и – ура! Передо мной дыра, достаточно широкая пролезть узкоплечему мелкинду.

Снаружи сумрак навалился на озеро, свечение тихонечко гаснет от берегов к центру, там яркий водоворот, словно магия уходит в неведомую дыру. Анты бегают суматошно, иные с потерянным видом суют в озеро куски еды, ждут превращения.

Шаг, другой вдоль стены пещеры, пытаюсь проскочить незамеченным. Сторожевой ант из самых крупных бросился наперерез. Огромные насекомые – жвала щелкают у пояса, в дыхательные трахеи палец всунуть – встретились только здесь, в густом как суп пьянящем воздухе. Сяжки мельтешат, с ближних концов пещеры устремились полчища.

Я отскочил спиной к камере. С задних рядов пробираются анты со шматами скользкой субстанции. Я рванул из-за пазухи амулет Пут и с размаху впечатал в голову ближнего стража. Кристалл амулета взорвался ярко-белыми огненными брызгами. Ант опрокинулся, засучил лапками, дёрнулся раз-другой и затих. Остальных антов унесло комочками, такими жалкими и совсем не грозными, когда переломаны лапы. Насекомые шевелятся и пробуют ползти, из лопнувших тел сочится мерцающая слизь. Но на шум бегут новые.

Я бросился к тоннелю, откуда тащили тело.

Наклонный ход трижды привёл в тупик, лишь слабый след, когда волокли тяжёлое, не даёт заплутать окончательно. Я с новой сноровкой рою последние пару локтей вверх, лавина рыхлой земли ринулась на меня и мимо меня, яркий свет слепит на миг. Проморгался. Дюжина крестьян показали спины и драпают со всех сил, судя по кривой осанке в плечах, впереди всех старосты сынок.

Выбрался, лежу без сил, глядя в небо. Рядом рукой достать покосился крест и смотрит с укором в зёв опустевшей ямы. С утра ни облачка, вчера небо сплошь затянуло – погода меняется быстро, как осенью. Солнце высоко, часов десять-одиннадцать, я вскочил и бросился к близкому краю леса.

Знакомый бурелом встречает обломанными ветками и содранным дёрном, как дружина прошла. Я прибавил ходу, широкой дугой заходя на лагерь. У костра ни дымка над укрытыми пеплом углями и полно следов. Пивной жбан разбит в щепки, мышастого цвета зверёк тащит куриную кость. Припал к земле настороженно, волочит дальше, признав за своего, – я в остатках засохшей слизи и перемазан землёй.

На подступах к лежищу иду сторожко, у края замер. Дуб на вершине овражка печально свесил обломанные нижние ветви. Листья трепещут под ветерком, словно пытаюсь скрыть красные лужицы, но лишь гоняют мух. Старое дерево молчит, почему подле корней два рыцаря без голов, лежат, прикрывшись разбитыми в щепу щитами. Шлемы укатились в сторону, лопнули от страшного удара, внутрь лучше не заглядывать. Один рыцарь крепко стиснул рукоять, меч сломан у основания. Другой клинок лезвием воткнут посреди ручья, покачивается в токах воды. На рукоять присела стрекоза, тотчас сорвалась и хищно ловит наевшуюся муху.

За спиной предательский треск ветки, я рывком обернулся. Навстречу крадётся сэр Хурбис, рукав жиппона разодран, мелкие веточки запутались в гриве чёрных волос, но в остальном – хоть на королевский приём.

– Нашёлся, изменник! – закричал он, выпрямившись в рост, в руке обнажённая сталь. В отдалении за деревьями широкой дугой с дюжину стражников, плащи королевских цветов поверх железа.

Я скатился на дно оврага, со всех сил припустил вдоль. За спиной проклятия, дробный топот тяжёлых подошв. Долетел запоздалый приказ:

– Да ловите же, стадо меринов! Сокрушите кости предателю!

Заимка бортника выскочила как родная, но я встал вкопанный: пчелиные колоды повалены, а кони мирно пасутся перед охапкой свежей травы. Из-за угла сарая выступил Хольстер.

– Как здесь оказался, я велел сторожить тролля! Да что у вас случилось?! – выпалил я.

– У тебя случилось, наивный наш пустынный, – проговорил Хольстер, глядя мелкими своими глазами поверх вздёрнутого носа. Сбоку подошёл Роуди, теребит обух секиры и отводит взгляд.

– Ты уехал, как пропал. Роуди вернулся из деревни в ту же ночь, тебя нигде нет, – продолжил Хольстер. – А мы остались без амулета Пут!

– Это побоище в овраге... Что с принцем?!

– Не знаю, никто не знает, – ответил Роуди, сделав жест Хольстеру помолчать. Пальцы гнома побелели на обухе, вот-вот продавят калёную сталь. – Видимо, тролль оказался зело силен и ловок. Тебя ищет королевская стража!

– Я не виновен, это несчастный случай! Кто знал, что застряну в проклятом подземелье на целые сутки?! А вы где были, могли что-то придумать? – в ужасе воскликнул я.

Хольстер посмотрел вопросительно на Роуди, тот кивнул.

– Нет. Ты виноват, ты сбежал с амулетом, чтобы погубить принца, – бросил Роуди тяжёлые, как приговор слова. – Пока не поздно – беги!

– Заодно спасёшь нас, – добавил лихорадочно Хольстер. – Иначе – всё на тебя свалим, так и знай! Используй шанс! Спасайся в свои пустыни, в ретунский анклав – куда угодно! Вот, даже золота дам!

Я оторопел. К горлу подступает тошнотворный комок, а ноги ватные. Не разбирая дороги, я двинулся вперёд.

– Лучше коня, – прохрипел я безнадежно, но Хольстер сдвинулся, пропуская.

Я торопливо зашагал, понёсся, конь узнал и фыркает, трясёт головой. Уши торчком, насторожились вдруг к лесу. Хольстер неожиданно быстро метнулся между нами.

– Поздно! – крикнул он на шум солдат, те ломают через подлесок. В руках как из ниоткуда диковина – карманный арбалет, болт на взведённой тетиве, а через прицельную рамку уставился прищуренный глаз.

Я попятился, повернулся бежать, навстречу стремительный взмах. Нырком бросился вниз и вперёд, но в затылок прилетело, я кувырком. На фоне неба навис Роуди, кулаки сжаты, глазки бегают, прячут взгляд под рыжиной мохнатых бровей.

– Вот он, держите! Молодцы, не зря оставил здесь. Эй, ребята! Вяжите и этих двоих! Потом разберёмся, кто виноват, – долетели слова Хурбиса, последнее, что запомнилось, прежде чем стали пинать.

Бесхвостая ящерка осмелела, заползла на ладонь, сухой язычок стреляет в хлебные крошки, треугольная головка проворно глотает, не жуя. Я шевельнулся, ящерка юркнула в солому, молнией вдоль стены – свободное существо пусть в просторной, шага три на четыре, но камере.

Хольстер бубнит из камеры по соседству, то пытается оправдаться, то скулит и ноет о благородном происхождении, несёт чушь о больших связях с важными людьми. Роуди с ним, хранит достойное молчание. Сказал только раз – велел Хольстеру заткнуться.

Сквозь решётчатое окошко в запертой двери неровный свет, жёлтые квадратики ползут по полу камеры в такт шагам стражника.

– Эй, служивый! – позвал я. – Долго сидеть, не жравши?

Охранник замер, тупой конец копья гулко ударил в пол.

– На плаху торопишься? – буркнул он. Продолжил, разговорчиво: – Перед эшафотом подадут обед по-королевски! Хотя, какая тебе, инородцу, плаха, верёвки хватит, а то и зарубят по-тихому мечом. Эх, побыстрей бы, осточертело сидеть. Я воин, а не тюремная крыса!

Донёсся смешок, кто-то произнёс, приближаясь, мелодичным, почти женским голосом:

– Гордись, служивый, королевского убийца сторожишь, внукам рассказывать станешь!

В окошке замаячило холёное лицо Тевизэля-эльфа, улыбка на губах немного кривая.

– Ай-я-яй, Виллейн, как же так! Чем Его Высочество не угодил?

– И ты здесь! Правильно выгнали из Светлого Леса, кружишь как поганый стервятник. Лучше скажи, как дружок Гатарен поживает? У ведьмы зубы острые, как нож, и гнилые, что твоя совесть, – спросил я бодро.

– Спасибо известному сундучку, почти здоров, – спокойно ответил Тевизэль, в руках боевой амулет, – а ведьму порвали, не серчай.

– Врёшь, сбежала она. Куда вам, простофилям, её удержать.

– Клянусь Симарином... – эльф открыл уже рот продолжить в запале, как долетел шум множества сапог, и яркий свет факелов озарил подвал. Дверные запоры проскрежетали противно, ящерка решила, что на потолке безопаснее. Несколько крепких рук подхватили меня и тащат прочь из камеры, бросить на колени перед сколоченным наспех столом.

За столом кутается в вишнёвый бархат престарелый лорд, массивная золотая цепь поперёк груди, перстни с печатками душат жирные пальцы, лицо обрюзгло. По бокам помощники, один в одежке, шитой серебряной нитью, присел с торца, под рукой стопка дорогой бумаги, меж пальцев перо. Справа от лорда сэр Хурбис. Вновь чист и опрятен, чёрные волосы сально зализаны назад, на губах глумливая ухмылка, но взгляд колюч и холоден. Придворный рыцарь и в тюремном подвале одет как на бал в костюме серой кожи.

– Кто здесь у нас? Та-ак, подручный Виллейн, из мелкиндов, – произнёс вельможа, рассматривая бумагу. – Не ожидал заговора среди колдунов. Я – королевский бейлиф, лорд Хилфкраст. Говорите, где принц, кто подговорил покушаться на Джетсета?

Бейлиф вздёрнул голову, подбородки заколыхались, следом и морщинистые щёки пришли в движение. Острый взгляд поверх значительного носа пронзает насквозь. Я затрепетал.

– Не знаю, я не виноват, это нелепая случайность!

– Отвечайте, вам ли поручено разведать и околдовать тролля?

– Да, мне. И двоим коллегам, Хольстеру и Роуди! – ответил я с надеждой.

– Вы отсутствовали в нужный момент, похитив заклинание, э-э... – Лорд оглянулся на помощников. – Амулет Пут.

– Ничего подобного! Да, я опоздал, застрял в подземелье, но без злого умысла.

– Амулет Пут был с собой? – спросил бейлиф.

– При обыске не найдено, – вклинился Хурбис. Бейлиф кивнул помощнику занести в бумаги. Я затараторил:

– Потратил в подземелье. Это не страшно, я шёл спасти принца и что-нибудь бы придумал, узнайте у Мастера. Он подтвердит, я способен на многое!

– Мы уже видим, на что способны. Свидетель показал, вам удалось выпросить амулет, несмотря на то, что Фитц Шиэр доверил подручному Хольстеру.

– Какой свидетель?! Мы всегда менялись поручениями, Хольстеру не интересна магия.

– Это не относится к делу, так и запишите, обвиняемый признал...

– Что признал, я ничего не признавал! – закричал я, дёрнулся встать, резкий удар под колени бросает обратно. Руки заломили нещадно, аж хочется взвыть. Но я лишь скрипнул зубами.

– Далее, вы отослали гнома Роуди в деревню, встречать отряд принца, оставили тролля на попечение одного Хольстера. Без амулета и, сами сказали, несведущего в магии!

Перо скрипит и мелькает в пальцах помощника с сумасшедшей скоростью, наверное, лучшего писчего в королевстве. Одет как один из тех, что не выходят из королевской канцелярии, но сейчас в подвале.

– Постойте, не отсылал, он сам напросился, ему одна девка глазки строила!

Бейлиф поморщился, обернулся всем корпусом, помощник с кипой бумаг ловко выудил одну из серёдки, прочёл бесцветным канцелярским голосом: «... и, запретив разводить костёр, мелкинд Виллейн завёл речи о сговоре супротив Фитца Шиэра. Я отвечал, что не предам Мастера. Тогда Виллейн велел дожидаться Хольстера, который был в дозоре, затем отправляться в деревню, предупредить принца. Сам Виллейн обещал вернуться вовремя поутру, ушёл, забрав амулет Пут. Я долго ждал, Хольстер не возвращался. Нашёл неподалёку, оглушённого магией. Он не помнил, что случилось, вместе поспешили в деревню предупредить об опасности. Принца не встретили, его отряд заехал с какой-то другой стороны...» – записано со слов гнома Роуди, вот его, гм, подпись, Ваша Честь!

Помощник с поклоном протянул бумагу бейлифу, тот близоруко щурится, выискивая гномью подпись. Я стою опустошённый, колени нестерпимо ноют от удара о каменный пол.

– Сэр Хурбис, перескажите, что произошло на тренировке Его Высочества, – распорядился бейлиф.

Улыбка Хурбиса сменилась на хищную.

– Виллейн подкрался с мечом проткнуть принца. Рыцари обезоружили наглеца, но...

– Хурбис лжёт, от первого до последнего слова! Откуда ему знать, там был лишь принц и доверенные рыцари!

– ...но принц, в великодушии, счёл нападение шуткой, отпустил мелкинда, лишь забрал меч. Напрасно! Меч заколдован, оказался ловушкой и от удара тролль пришёл в неописуемую ярость, – методично продолжил сэр Хурбис.

– Я предупреждал, меч зачарован на огра, против тролля хуже обычного куска железа! Всем известно, тролли и огры ненавидят друг друга, значит, и магия подействует наоборот! – сказал я. Перо помощника бейлифа летает над бумагой.

– Двое лучших рыцарей мертвы, ты, грязный предатель! – выпалил сэр Хурбис.

– Хурбис и Роуди всё исказили! Спросите принца как было! – выкрикнул я, горячась.

– Принц Джетсет исчез, и ваша роль не последняя в этом деле, – холодно произнёс бейлиф. – Показания записаны, разберёмся своими силами.

– Разберётесь, как же! Вы не разберётесь, где кончается шея и начинается живот! – выпалил я. Бейлиф невольно глянул проверить.

Хурбис развёл руками.

– Вы признаёте инцидент на тренировочном поле? – спросил бейлиф невозмутимо. – В последний раз, кто надоумил покушаться на принца? – Тон бейлифа сменился на вкрадчивый: – Вы умышляли против Фитца Шиэра, хотели нарочито провалить задание, возложить вину на подручных, в итоге – занять его место!

Я гордо вскинул подбородок и произнёс:

– Я не сознаюсь ни в чём. Вины моей нет, меня оговорили! Да, ошибся, провалил задание Мастера Фитца, но это трагическая случайность, а не злой умысел!

– Лорд Хилфкраст, – обратился Хурбис к бейлифу, – пусть от вашего внимания не ускользнёт, как не вовремя эта трагедия. Принц Джетсет собрался выступить в поход, в столицу съехалось полстраны, и – такой удар по всем нам! Здесь явно нечисто, не мог ничтожный подручный, это чужеземное отродье, быть сам по себе. Ниточки ведут на самый верх! Пора действовать решительно, вырвать заразу заговора как можно скорее!

Бейлиф помолчал, тонкие губы старика крепко сжаты. Произнёс:

– Вам всюду мерещится заговор, что неудивительно, учитывая должность. Но я понимаю вашу озабоченность, сэр Хурбис, догадываюсь и к чему клоните. Обвиняемый упор-

ствует, отказался выдать подельников. Посему будет подвергнут пристрастным расспросам, – бейлиф кивнул на одного из помощников. Здоровенный дядька с лицом мясника поклонился, толстые руки крестом поверх кожи фартука, та вся в застарелых бурых пятнах. Меня пробрала дрожь. Бейлиф выпрямился, продолжил торжественно:

– Наше королевство управляется законами, я должен им следовать, вам дадена ночь на раздумья. После, гм, расспросов королевский суд решит участь мелкинда... если останется что решать!

Бейлиф сделал движение подняться, мне заломили руки по новой и волокут обратно в камеру. Лязгнул засов, топот шагов уплыл, растворился в тюремной тиши, я один, не считая предателей за стенкой и охранника за дверью.

Я замер в углу, мысли вялые и о чём угодно, лишь бы не про утро...

Сколько сижу скрюченный? Сколько до того жуткого момента, когда вновь пробухают сапоги, скрипнет петлями дверь и камеру заполонят люди? Страшные, мастера своего дела, миг, и я забьюсь в крепких руках – кусок воющего мяса! От одной мысли тело содрогается в крупной дрожи, страх хватает за сердце ледяными пальцами, превращает в безвольного слизняка.

Я задрожал, на этот раз мелко, по ногам будто морозный сквозняк. Гляжу безучастно, как слабый ветерок крутит соломинки в диковинном танце. Дуновение крепнет, собирается в вихрь, в прозрачный пузырь до потолка, тот как сквозь толстую воду искажает встревоженное лицо охранника в дверном оконце. По поверхности пузыря слепящие зигзаги молний, в центре веретеном сгустилась тьма. Я едва успел вжаться в угол, как пузырь с треском лопнул. Меня припечатало о стенку, сильный удар вышиб дверь, и чересчур любопытный страж громыхнул доспехом где-то в дальнем углу подвала. В центре взрыва давешний чародей, на этот раз полон сил. Одет в чистый плащ цвета ночи, борода с проседью так аккуратно подстрижена, что эльф от зависти удавится. На губах усмешка, но взгляд строг.

– Мошенник! – воскликнул я. – Верни нож!

Чародей от души рассмеялся, хохотом свободного человека в этом прекрасном мире. Из-за полы плаща появился кинжал, кристалл в рукояти ярко сияет. Из соседней камеры извлечённые возгласы Роуди и Хольстера сменились тишиной.

– Если это все что интересует... но я бы рекомендовал отправиться за Золотым Талисманом! Он упадёт, э-э, удалось наконец вычислить дату, через дня три. Упадёт далеко, на вершину высочайшей горы, но надо успеть. Вот, держите, я набросал карту, наспех, но кто сказал, что будет легко? Торопитесь, не только вы ищете Талисман!

Чародей протягивает обрывок бумаги с волнистыми линиями и закорючками. Обернулся на шум: охранник пытается встать на четвереньки, шлем глухо звякнул о пол, голова трясётся как у припадного. Я беспокоюсь тяну шею, пальцы сжаты в кулак, уже на ногах. Задышал часто, мышцы набухают кровью и сладко ноют в ожидании драки. Проговорил с возмущением:

– Да что такого в этом Талисмане? Очередная безделушка, накачана магией на один раз?

– Вовсе нет, при чём здесь магия? Талисман особенный, сами поймёте, – ответил чародей, снова обратив взор на меня. Глаза сверкнули то ли гневом, то ли деланным возмущением. – Если не хотите, оставайтесь в, – где это я? – ага, в темнице, или убирайтесь куда угодно, своим, без сомнения, увлекательным путём. Талисман подберёт иной, мне безразлично. Я вам чуток задолжал, и речь не о Талисмане, поймите, я говорю только про нож. Больше на меня не рассчитывайте!

Чародей протянул клинок, я невольно взял.

– Всего хорошего, удачи, вернее, успеха вам, Виллейн! – Чародей поклонился немного шутливо, но взгляд ясных глаз серьёзен. Знакомый вихрь закружил, змеится молниями.

– Откуда знаете моё имя? – выкрикнул я, вспоминая ещё подземный разговор. Чародей уже не слышит, рот приоткрыт, губы шевелятся, но из-за прозрачной стенки ни звука. Охранник втянул как мог голову в горловину стальной кирасы, благо шея короткая, бросился, копьё наперевес. Едва острый кончик коснулся вихря, бешеная сфера лопнула, забрав чародея, а стражу унесло, звеня доспехом. Гулкое эхо метнулось по подвалу, протиснулось сквозь деревянную решётку на винтовую лестницу, там и затихло. Взамен с верхних этажей многоголосый крик, топот сапог.

Я повертел в ладонях серебряное лезвие, всмотрелся в кристалл. На губах довольная улыбка, слишком широкая для лопнувшей губы. Я слизнул солоноватую каплю и приложил к губе кристалл. Тот жадно мигнул, заблестал ярче, багровым.

Топот всё ближе.

– Давай, ящерка, я готов, вернём тебе хвостик? В обмен на кое-что, разумеется, – хрипло сказал я. Ящерица доверчиво плюхнулась в подставленную ладонь. Я порылся и нашарил высохший обрубок хвоста – единственное, что осталось в обчищенных стражей карманах. Совместил, на кристалле в рукояти ножа растёт капля света. Приварила хвост наживо, камень почти погас. Резким движением швырнул ящерицу в подвал, та начала расти уже в полёте, на пол бухнулось чудовище размером с годовалого дракона. Треугольная голова мотнула в стороны, длинный язык стреляет меж челюстей, на десне белые бугорки, кожа истончилась, лопнула, брызнув красным. Ящер взревел от боли, ринулся прочь, в надежде сбежать от боли рождения молодых зубов. На пути упорный страж – горе ему! Дверная решётка разлетелась на части, дальше – лестница. Вверху оборвался вскрик, по ступенькам запрыгал, выкатился пустой шлем.

Стражник лежит без движения, на поясе пухлый кошель, я забрал своё добро и пару монет, связку ключей – пригодятся.

– Виллейн, постой! – крикнул Хольстер, сам заперт с гномом. – Вернись, далеко не сбежишь, поймают! Или нет, выпусти, забудь всё, что я говорил!

Я сплюнул. Неожиданно нарушил молчание Роуди.

– Хольстер чванливый дурак, но сейчас прав. Тебе не прорваться, сам Фитц выступит, не считая толпы стражников!

Я подошёл. Роуди прильнул к окошечку, плющит нос о перекрестие решётки, под глазом чёрный, как углём подвели, фингал.

– Есть предложение получше? – спросил я с сарказмом.

– Есть, – серьёзно ответил гном, от бывшего балагура нет и следа. – Открой камеру, и я покажу другой выход. Не будь я гном Чёрных рудников!

– С чего помогать вызвался? Откупился мною, сиди, жди, пока выпустят! Дадут крендель солёный да кружку кислого пива!

– Не тебе помогаю, себе хочу. Бежать отсюда надо, колдовской башне конец, или не чуешь, какие заговоры вокруг? Взаперти, на милость вельмож, точно не уцелеем! Без меня – пропадёшь. Решай скорее!

Взвыл Хольстер, на шее гнома сомкнулись длинные пальцы. Роуди не глядя даванул локтем назад, знаток наш коней и прочей живности захлебнулся зубами. Сверху снова шум, совсем близко! Я открыл дверь отобранным ключом, в другой руке кинжал, остриё дрожит, так и хочется вспороть брюхо предателя! Роуди протопал в угол подвала, пальцы ощупали кирпичную стену, надавил. Кладка на вид тараном не прошибить, но кирпич неожиданно легко поддался, кусок стены провернулся внутрь, сыпанув сухой пылью из швов. Я бросился следом за гномом, позади Хольстер что-то мычит невнятно. Лезвие щекочет гномью шею, я дышу в затылок. Роуди обернулся, в глазах вопрос. Я вздохнул и спрятал клинок.

Тьма тайного хода поглотила нас, бывших подручных придворного колдуна.

Глава 6

Мы ворвались в помещение много ниже фундамента, вместо факела мой кинжал, камень в наверху сияет так, что глазам больно. Лучи упираются в гранит низкого, как в склепе, потолка. Понизу дыхнуло влажным холодом, ещё шаг, и я бы исчез в тёмной дыре. Присмотрелся, в колодец уходят скобы ступеней, но верхние обвалились, оставив ржавые штырьки.

Прыгать боязно. Со вздохом стянул сапог, швырнул в колодец. Сердце стукнуло дважды, послышался плеск.

– Не похоже, что здесь часто ходили, и уж точно не лорд! Прыгай первым, я следом, – приказал я Роуди, тот кивнул, не проронив ни слова из подвала. Свесил ноги и без промедления исчез в провале. Я перегнулся через край, внизу бабахнуло, фонтан брызг ударил в лицо.

– Эй, ты как там?

Ответа не дождался, но долетел шум и отблеск факелов из тайного хода.

Я мигом повис на краю колодца, пальцы соскальзывают с влажного бортика, а вздох испуганно замер в груди. Разжал, бесконечный миг полёта, по ступням ударило и тотчас обожгло ледяной водой. Я задёргал ногами по-лягушачьи, растопырил руки всплыть, но сильное течение хватает и тащит вбок. Закрутило в полной тьме, нестерпимо хочется вдохнуть, хоть воды. Рванулся со всех сил, головой приложило в каменный свод. Хлебнул, не сдержавшись, с кашлем выплюнул и снова хлебнул, уже сполна. Поперёк груди ножом резануло, но спустя мгновение я на мелководье. Кое-как встал на корточки, поток бурлит и перехлёстывает поверх, кашель раздирает пополам.

Скрюченными пальцами нашарил рукоять кинжала. Щедро расходуя магию, осветил свод пещеры. Поток уходит под край скалы, там сквозь воду слабое свечение. Прошёл пару шагов, у стенки тело гнома. Добрый пинок перевернул на спину. Ступнёй на грудь, навалился всем весом. Из рта Роуди плеснул валик воды, гном разразился булькающим кашлем.

– Думал – сдохну! – признался Роуди.

Я хмыкнул:

– Думал – ты уже сдох. Что там у нас дальше?...

Подземный поток разливается плоско, посреди пещерки от стены до стены вертикальные прутья, штыри пускают пенный след, на одном полощется застрявший сапог. Сами прутья из почерневшей бронзы, толщиной в руку и стоят часто, верхушки упираются в потолок. По ту сторону причалены цепью гнилые остатки, по форме – лодка. Сбоку решётчатая калитка, замка нет, простой засов прикипел насмерть. Я дёрнул раз, ещё – без толку, в ладонь отломился штырёк.

– Здесь не пройти. Надо искать другой ход, Виллейн.

– Верно, тебе не пройти.

Я втиснулся меж прутьев, как следует выдохнув.

– Стой, Виллейн, а как же я? – закричал Роуди, бросаясь к решётке.

– Раньше бы думал, когда выдал Хурбису!

– Послушай, я пригожусь! Хоть за Талисманом чародея идти – да, я всё слышал!

– Прощай, Роуди.

– Будь проклят, Виллейн!!! Всё из-за тебя!

Гном яростно задёргал прутья, послышался слабый скрип засова и радостный возглас.

Я по колено в ледяной стуже, зубы отбивают такт, по пояс, каменный свод всё ниже, заставляет пригнуться, вовсе нырнуть под воду. Руку протяни – толстые рыбыны, заметили и торопливо прячутся в тёмных лентах водорослей. Сквозь мутно-зелёную толщу рябит поверхность, я вырвался и не могу отдышаться. Край утёса совсем рядом. Волна лениво

лижет панцири ракушек, те доверчиво раскрыли розовое с серым брюшко. Низкое солнце чертит огнём дорожку вдоль реки.

Удобный пологий берег в нескольких гребках, минута, и я вполз в густые камыши. Крупный селезень крякнул заполошно, рванулся на взлёт, лапчато шлёпает по воде. Следом стартуют утки. Уселся на узкой полоске песка, сохну в лучах утреннего солнца. Река огибает подножие утёса, с одной стороны тупик – стена из тёмного гранита спускается вертикально в воду. Гладь притягивает взгляд на другом берегу дома Нового города.

Я зашагал вдоль кручи. Несколько минут показалась небольшая фигура, в руках удочка, соломенная шляпа широким конусом не даёт разглядеть лица. Рукоять кинжала так и просится в ладонь.

Человечек подсёк, удочка аркой, из глади с натугой выпрыгнула горбатая рыбина, чешуя блестит на солнце тысячей крошечных зеркал. Рыбу приложило с размаху о берег, но ей, здоровой с сапог, хоть бы хны, бьётся, вот-вот скользнёт в близкую воду. Теперь из-под края шляпы виден узкий подбородок рыбака и веснушчатый нос, голубые глаза в обрамлении белёсых ресниц широко раскрыты.

– Леску лови, не дай скользнуть обратно! – крикнул я, бросаясь с ножом. Полминуты возни, и здоровый лещ едва поместился в корзине, хвост шлёпает вяло по крупным карасям, морда торчит наружу из-под плетёной крышки.

– С-спасибо, я бы не управился. Вот мамка обрадуется! – затараторил малец, смотрит на мокрую мою одежду. Добавил с сомнением: – Вы откуда здесь, тоже рыбачите?

– Так удочки нет. Тс-с! Я здесь плаваю по важному делу! – таинственно сказал я. – Слушай! Ты должен помочь, видишь башню на утёсе?

Малец закивал, шляпа съехала на спину, витой шнурок поперёк шеи, поверх острых ключиц. Я выше всего на голову, ссутулился и спрятал руки за спину.

– Так ты... вы оттуда? Вы маг?

– Я сбежал из подземелий башни, – начал я подвывающим голосом. – Десять лет сидел, не видя света белого. Меня заточил древний маг, могучий! Не тот, что сейчас. Нынешний просто юнец, на один зуб для меня!

– Ой! – воскликнул малец, попятился.

– У-у-у, как жутко я проголодался за десять долгих ле-ет, – начал я замогильным тоном, вздев руки. Мальчишка глянул на мои пальцы, с трудом проглотил комок. Я продолжил обычным тоном, с улыбкой на губах: – Впрочем, если ты позовёшь разделить эту чудесную рыбину, я, так и быть, не стану грызть твои тонкие косточки. Даже покажу пару фокусов тебе и маме!

Мальчик неуверенно улыбнулся в ответ. Я взвалил на плечо корзину, и мы зашагали вдоль берега. Так и есть, в небольшой заводи привязана лодка, малец сел за вёсла.

– Я уж поверил! Если не рыбак, кому ещё быть под утёсом? Ой, откуда у вас когти такие... чёрные?

– Например, маленькому браконьеру. Разве не знаешь, ловить рыбу с этого берега реки запрещено королевским указом?

– Вы ведь никому не скажете, правда? Особенно маме, она всегда беспокоится, куда я пропал. Узнает – точно не пустит!

Мальчик глядит очи долу, брови домиком. Я вздохнул:

– Конечно, никому не скажу. Тебя зовут как?

– Эритором. А тебя?

– Виллейн. Странное у тебя имя, грозное. Откуда такое?

– Мама рассказывает, так отец звал.

– Понятно.

Мальчишка шмыгнул, загрёб злее, весла гнутся в не по возрасту крепких руках. Эритор куда взрослее, чем кажется, глядя на веснушчатое лицо. Лодка начала загибать вбок, скоро нос упрётся в полосу песка.

– Мы живём здесь недалеко, – заметил мальчик. Показывает на короткую улочку домов в один этаж, задние дворы обращены к реке, на рогатках сушатся рыбацкие снасти, у края берега сохнут вверх дном лодки. – Но сперва на рынок.

Лодку сотряс слабый удар, я выпрыгнул вслед за Эритором.

– Дай-ка шляпу, голову напекло.

Рынок Нижнего города бестолков, торгуют местные, присмотра стражи почти нет. Жуликоватые типы тенью скользят в толпе, взгляды липнут к кошелям горожан. Мы свернули к продуктовому ряду, под полосатым тентом лотки с рыбой, хозяйка – женщина в цветастой шали поверх сдобных плеч, торгуется с гномом из-за вяленой рыбёшки. Ударили по рукам, покупатель подхватил бечёвку с нанизанной за головы рыбьей мелочью и топает прочь с довольной ухмылкой, под мышкой полный бочонок.

– Опять ты! С чем пришёл, карасей не беру, так и знай! – бросила торговка Эритору, руки упёрты в бока.

– Вот! – торжественно провозгласил Эритор, вытащил полупудового леща из корзины.

Я оставил их торговаться, огляделся на люд. Приезжих в Нижнем городе заметно меньше, а вот стражи больше. Всё больше и больше! Солдаты разбегаются веером от горловины улицы, теснят народ. Показались всадники, передний высок и одет ярко в плащ с королевским львом. По гербу и по мощному кадыку я узнал королевского герольда. Медные трубы уставились в зенит, противный и резкий звук, совсем не торжественный, оборвал торговлю. Герольд развернул грамоту в районе живота, произнёс, глядя поверх, а не на буквы.

– Жители королевства, к вам обращаюсь от имени Его Светлости лорда Хилфкроста, Регента Его Высочества!

Народ затаил дыхание.

– ...с прискорбием сообщить, что подлые заговорщики умышляли против Его Величества, отчего король Джерон скончался. Королевский Совет единодушно избрал лорда Хилфкроста Регентом при Его Высочестве принце Джетсете!

Эритор слушает, раскрыв рот, я резко дёрнул мальчика за рукав.

– Пошли, мама заждалась. Нет, не смотри на меня так, я ни при чём.

Мальчик послушно шагнул следом, заглядывает в глаза, но я непроницаем. Опомнился, обогнал указывать дорогу. Мы прошли к крайнему в улочке дому возле реки, стены недавно побелены, соломенная крыша выгорела от солнца. За домом рыбацкая снасть, мочит доски в мелкой волне старый причал. Эритор толкнул дверь, та тяжело и неохотно распахнулась.

– Мама, у нас гости! Смотри, сколько рыбы поймал!

Из дальней комнаты вышла молодая женщина. Непокорная чёрная прядь сбежала из сложной причёски, на смуглой коже лба, щёк и шеи мелкие родинки, немного, но как ни пересчитывай, пару пропустишь, утонешь, забыв обо всём, в больших тёмных глазах. Строгое облегающее платье со шнуровкой подчёркивает осанку, спина прямая, как у графини, бедра полные и такие широкие, богатырей рожать.

Ладонь коснулась копны светлых волос сына, и на губах женщины заиграла улыбка.

– Доброму гостю всегда рады, – сказала хозяйка приветливо.

– А недоброму?

– Недоброго найдётся чем отвадить, – с улыбкой сказала мать Эритора, пальчик скользит по чёрному шнурку, от ключиц, меж полных грудей к запретному для обычного людя берегу.

– Мама! Его зовут Виллейн. Он узник, сбежал из колдовской башни! Нашёл под утёсом, мокрого совсем. Представляешь, что узнали на площади?...

Я затараторил:

– Послушайте, я не причиню вреда! Скажете – уйду прямо сейчас, вам могут грозить неприятности. Дайте одёжки побалохонистей да шляпу!

– Мне дела нет до королевских проблем! – резко ответила женщина. – Тем более колдовских. Вы не похожи ни на преступника, ни на обычного жулика-мелкинда. Оставайтесь на завтрак, там видно будет. Меня зовут Унрулия.

Я поблагодарил кивком. В доме чисто, но скучно. Одежда Унрулии из явно добротной ткани, не каждый купец позволит, в ушах дорогие жемчужные серьги.

Караси, запечённые до хрустящей корочки, устроились поверх гречневой каши, исходят паром в глиняном блюде посреди стола. Исчезли быстро.

– Странно живёте. Не рыбной ловлей, много ли мальчишка принесёт. Мужа, видно, нет.

– Так уж и видно?... Я дочь купца, отец оставил наследство, у самой голова и руки на месте!

– Мама умная и шить умеет! Из самого верхнего города наряды заказывают, – вступился мальчуган. – Мама, герольд на рынке...

– То-то мне ваша, гм, ваше лицо кажется знакомым. Видел, поди, близ дворца.

– Из-под башни видали? – засмеялась она, обнажив ровные белые зубы. Я набрал воздуха ответить, как по улице пронёсся топот, спустя минут пять в дверь застучали, настойчиво, но как-то слабо. Эритор взглядом спросил разрешения открыть, на пороге старуха, щурится на меня близоруко. Перевела взгляд.

– Соседка, скорее на площадь! Ой, беда случилась!

– О чём вы? – спросила хозяйка.

Бабулька покосилась подозрительно на меня.

– Слышали набат? Проскакал гонец – все на площадь!

Эритор, сделав просительное лицо, умчался, обгоняя старушку, мы наедине с неловкой тишиной. Я уставился на оберег, но взгляд притягивает окружение. С трудом разомкнул пересохший рот, спросил учтиво и на нейтральную тему:

– Эритор весьма крепок. Сколько ему, двенадцать?

Женщина мелко кивнула, взгляд не находит места, смуглые щёки хорошо скрывают лёгкую бледность. Я продолжил настойчивее:

– Знаю только один тип людей, не выдающих беглецов. Это такие же преступники!

– Вы так мало знаете. Мы не преступники. Королевская власть, – Унрулия помедлила, – тот, кто правит от имени короля, нам не указ!

– Что значит – правит от имени короля, о чём говорите?

– Когда в последний раз видели Его Величество? Сколько не показывался на люди? – с жаром воскликнула она. – Год, два? Его Величество так же мёртв, как и отец Эритора.

– Не может быть! Мастер Фитц видится регулярно, да и принц не похож на убитого горем сына. Как подобное могли скрыть, и, главное, зачем?

«Эта женщина несёт бред. Бедняжка тронулась слегка умом, живя с сыном одна».

Я посматриваю на оберег, где-то в груди заворочалась жадная жаба, а руки дёргаются забрать.

Эритор ворвался с таким видом, что мать вскочила и мигом заперла дверь.

– Мама! Герольд снова объявил! Его Высочество погиб на охоте! Заговорщики-маги покушались и на принца!

Мальчик с ужасом уставился на меня, порывается заслонить маму. Та не даёт, крепко сжав за плечо. Я сижу, не в силах вымолвить слова, мысли вскачь. Унрулия глубоко вздохнула, лицо – недвижная маска. Проговорила спокойным тоном:

– Сынок, пойдёшь собирать вещи. Как если едем за город. Давай-давай!

Мальчик бросил на меня свирепый взгляд, но покорно прошёл в комнату.

– Поверьте, я не имею никакого отношения к смерти Его Высочества, тем более Его Величества! Представить не могу, как случилось! – сказал я, ладонь близ рукояти кинжала – на всякий случай.

– О, мне это известно. Король умер два года тому назад. Дальнейшее – фарс и предательство! Бедный Джетсет.

– Откуда вам известно?!

Я вскочил и попятился от сумасшедшей.

– Не важно. Послушайте, вы должны спасти сына! Ему, всем нам грозит страшная опасность!

Унрулия шагнула вплотную, губы чувственных очертаний сжаты в прямую линию. Опустила ладони мне на плечи, замерла, глаза в глаза.

– Вы свалились на голову, и вы – наша единственная надежда! Не спрашивайте ничего, времени совсем нет. Вас наверняка ищут, нас – ещё нет, но будут.

– Да что вы несёте?!

– Не время мешкать! Я помогу выбраться из города, есть кое-какие связи, с папиных купеческих времён.

– Да постойте, не собираюсь взваливать на шею сопляка! Что за опасность? Это безумие, отправлять со мной, не видите, вешают всех собак в проклятом королевстве! Я решительно отказываюсь!

Унрулия отступила на шаг, пальцы поправили причёску, скользят вниз к вырезу платья, замерли поверх шнуровки.

– Ради сына готова отдать что угодно, – проговорила она глубоким хриплым голосом. – Вас, думаю, интересует это!

Унрулия резко рванула вниз и в стороны, и на свободу выпрыгнул оберег. Эритор замер, насуспенный, в дверном проходе, за плечом увесистый мешок. Шагнул на жест матери.

– Когда доберётесь до безопасного места, разумеется, – сказала она, подвязывая оберег на шею сыну. – У нас родственники на дальних рубежах, за Звенящими ручьями, и спрячут и вам помогут.

Я вздохнул, признавая поражение. Мальчик смотрит волчонком, вцепился в мать.

– Если ехать, всем вместе. Только приодеться бы, проверим, столь ли чудесная швея?

В ответ Унрулия блеснула такой улыбкой! Я пожалел, что не родился человеком.

Глава 7

Рыбачья улочка вымерла. Двери окрестных домов лязгают засовами, где есть ставни – закрыты. Со скамеек исчезли бабушки, и даже дворовые псы где-то прячутся. Из-за реки от дворцового квартала крики, полные ярости, и звон металла. С вершины башни мелькнуло тело, фонтан брызг до подножия утёса. Я лишь пожал плечами.

За полчаса Унрулия превратила мою одежду во что-то снова приличное. Я коротко обрезал волосы на манер Эритора, такие же светлые, издалека сойду за старшего брата. Соломенная шляпа завершает наряд – отсечёт любопытные взгляды.

Унрулия выудила из тайника за половой доской добротный кошель, тесёмки чуть не лопаются под напором монет, я с изумлением отметил блеск золота.

– Если вы и швея, то королевская! – заметил я с улыбкой, и жду милой беседы, но на лице Унрулии неподдельный испуг.

Дверь хлопнула за нами. Унрулия нехотя повернулась к дому спиной и сперва медленно, затем всё решительней, шагает прочь. Мы следом.

Здания кругом площади и до самых врат в едином строю, к задним дворам узкие проходы, но не сунуться – забраны решётками, ставни глухие, но со щёлочкой, словно хозяйка ждут Обнажённую Леди. В центре площади фонтан, струи веером из щели расколотого вдоль валуна, вокруг чаша бассейна, тёмно-красный гранит ловит прозрачные капли. Мы встали недалеко.

– Эритор! Знаешь про этот источник?

Мальчишка мотнул головой, и я продолжил:

– По легенде, гигант Аракс сразился с дедом короля, удары каменной палицы были столь мощны, что сама земля разверзлась потоком слёз!

– Ух ты! Но если гигант каменный – а он же каменный был, да? То как его сразили?

– Хороший вопрос.

Унрулия глядит искоса, я заметил, как на лице быстро сменились досада, печаль и интерес.

– В самом деле, Виллейн, как он был побеждён?

– Есть разные версии, но мне по душе одна. Меч будущего короля сломался и последний из его рыцарей, по знатности последний, а не по доблести, прикрыл сюзерена.

– И... он погиб? – спросил Эритор.

– Разумеется. Дед короля Джерона подхватил клинок рыцаря, но Аракс лишь расхохотался! Напрасно. Ярость была столь велика, что обычная сталь разрубила камень!

– Это невозможно, – заметила Унрулия.

– Невозможно, – согласился я. – Но именно так рождается магия.

У Эритора округлились глаза.

– Присмотри за сыном, – бросил я с усмешкой Унрулии. – Того и гляди удерёт, если не в маги, то в странствующие рыцари – точно!

– Ещё вчера надеялась на судьбу получше безземельного скитальца, – горько ответила Унрулия.

– Для сына рыбака?!

Женщина проглотила меня уничижающим взглядом. Быстро глянула на Эритора, но тот слушает старика в сером балахоне. Оратор взобрался на бортик фонтана, веки сомкнуты, и по бугристому шраму понятно, что навсегда. Слепец спиной к нам и кричит толпе крестьян и оборванцев всех мастей, что по ту сторону чаши бассейна, кадык на мощной шее бьёт вверх под челюсть после особенно страстного возгласа.

– Боги! Боги забыли нас, забыли и проклинали! Час настал, падёт последний из королей, и город поглотит тьма магии! Нечестивый колдун возвысится на крови, настанут мор и холод, раздор и стенания!

Народ притих, мужички слушают, как заколдованы.

– Есть, есть ещё надежда! Ищите, бейте подлых колдунов, убийц короля! Когда последний маг будет предан мечу, Светлый Принц вернётся, спасёт всех нас!

Я сплюнул украдкой.

– Все к башне, скинем проклятых колдунов! – продолжал бесноваться слепец.

Старик простёр узловатые персты в сторону дворца, толпа послушно качнулась.

– Бей прихвостней! – прокричал здоровый мастеровой, заехал в глаз соседу, только что стояли рядом мирно. Несколько человек пытаются выскользнуть, пошли поперёк толпы, их пихнули, вспыхнула драка. Я скривился, глядя на людское племя.

Толпа потекла на нас и вокруг нас, сжимает крепкими плечами, тащит к мосту в Старый город. Унурулия цепляется за руку сына, взгляд отчаянный, я поймал за свободную и крепко схватил за запястье. Унурулия вскрикнула и пытается освободиться, но держу крепко, когти чуть впились в нежную кожу.

– Главное не упасть, затопчут! – проорал я.

Справа и слева внезапно озверевшие рожи. Я потянул спутников, но не вбок или назад, а вперёд, обгоняя самых ретивых.

– Бей, бей! Туда! – закричал я во всё горло. Мы вырвались в первые ряды и обгоняем, резко свернули в боковой проулок. Мимо проносятся разъярённые лица, в руках неведомо откуда дубинки и камни. Эритору в толчее заехали локтем, с ноздри ползёт красная капля. Мальчик утёрся рукавом, мать вскинулась было ругать, махнула рукой.

– Еле успели. Ещё чуть, и пришлось бы бросать меня с башни, – попытался я пошутить.

– Этого я и боялась. В беспорядки бьют первыми тех, кто живёт особняком, таких не любит никто. Вот люди! Были мирнее мирного! Оборотни!

– Да нет, просто копили злость.

Я хмыкнул, задумавшись, и добавил:

– Вернёмся к воротам. Посмотрим, удастся ли проскочить мимо стражи.

У ворот давка, часть лордов спешит покинуть столицу. Отряды под стягами кабанов, вепрей и прочих хряков да подсвинков зыркают зло, пока вельможи спорят, чьё право бежать первым. Одна из дружин закупорила проход барбакана, стоит, ошетилившись копыями. На прилегающей улочке повозки, крестьяне мнут шапки, не решаясь лезть поперёк оружных людей.

– Здесь не пройти, видишь – лорды спешат отсидеться за крепкими стенами замков? Потому затор, пока ещё вояки разберутся, чей лорд выше. Вы упоминали какие-то связи. Контрабандисты?

– Купцы, – не моргнув, ответила Унурулия, – но и они пользуются воротами. Разве что по реке...

– Забудьте. Течение сильное и на лодке мимо сторожевых башен не выгрести, а корабли в город кто сейчас пустит.

Мы направились к подводам, те пустые или со скудными покупками. Унурулия настороженно придерживает тугой кошель. Ремесленники и крестьяне отводят взгляд. Обошли очередь дважды, в спину пристальные взгляды. На одном из только подъехавших возов дедок в короткополой соломенной шляпе и рубахе до колен с вышивкой. Пряча ехидную усмешку в тощую бородавку, окликнул сам.

– Люди добрые, садись, подвезу недорого! Только деньги вперёд, а то боязно мне.

– Слышь, батя! А твои где? – сказал я, ткнул в бок Унурулию. Та полезла за парой монет.

– Один я. Послала бабка разносолы огородные торговать. Распродал и обратно, но видишь, не успел. Запрудили, вояки окаянные! – посетовал дед. Помялся, спросил осторожно: – Вы сами кто будете?

– По нам разве не видно? Почтенная мать двух детей желает навестить тётушку. Так и скажешь на выходе.

– А провожатые где? Подозрительно, кабы не пришлось страже на лапу дать!

Дед выразительно посмотрел на кошель, пришлось достать ещё монету. Наконец устроились на возке.

– Дальше что? – спросила Унрулия, крепко сжимает руку сына.

– Сидим, ждём, пока лорды пересобачатся.

С длинной мощёной улицы, опережая всадников, летит цокот копыт. Показался новый отряд, во главе рыцарь, волосы цвета спелой пшеницы развеваются на ветру. Я вгляделся до рези в глазах, вздрогнул и надвинул шляпу пониже. Рыцарь уже около лордов, вклинился в спор как равный, резким рубящим жестом указывает на ворота, в сторону дворца. Через несколько минут бароны разошлись, лица недовольные, но дело пошло. Один за другим машут своим людям, те строят отряды в подобие очереди. Один лорд даже развернул обратно в город.

Я кивнул дедку.

– Теперь и нам проскользнуть легче. Двинули!

Городская стража исчезла, как тени в полдень, на воротах не дают упасть копьям пара сопливых новобранцев.

– А стража, стража-то где? – запричитал дедок. Я поспешил успокоить:

– Да вон же они.

Строятся в отряд, под командой все того же рыцаря, и дружно печатая шаг, двинулись к центру.

– Дела королевские плохи, раз собирают новобранцев, – заметила Унрулия.

– Вы рассуждаете словно полководец или дворцовый вельможа!

Оказывается, на щеках Унрулии бывают ямочки! Я почуял приятное тепло, и что её улыбка уютно свернулась калачиком где-то в моей груди.

Поток телег стронулся, люди бегут из города и пешком, расползаются за воротами по трём дорогам.

– Ну что, куда едем? – спросил старичок, безошибочно – меня, как главного.

Проклятье!

– Правь пока к своей деревеньке, там скажем, – буркнул я с досадой.

– Нам бы к Звениящим Ручьям, – встряла Унрулия. Я поморщился. Достал украдкой карту, небрежные штрихи чародея сложились в кружок столицы, на краю уголки гор, на самую высокую падёт Талисман. Звениящие Ручьи совсем в другой стороне.

– Да-да, нам в Звениящие Ручьи. Знаете, где достать лошадей?

– Зачем лошади, сам довезу, только припасу дайте прихватить в деревеньке, оно и вам пригодится. В возке всяко удобнее путникам! То-то бабка обрадуется приработку! – выпалил дедок, оживился, потирает руки в предвкушении, понукает старую лошадь шевелить мослами.

Наезженная дорога уводит вдаль меж холмов, но мы свернули на едва видную колею. О близкой столице не даёт забыть блеск дворцовых шпилей, мимо плывут хутора в два-три дома с хозяйством. Солнце начинает припекать, и Эритора сморило под непрерывный поток слов деда.

– ...я и говорю куму: на кой ляд ты на старого дракона золото позарился? А он мне: что же, ногу забесплатно откусили? Потом прибыл отряд рыцарей, и голова дракона нынче

в пиршественном зале барона Скума, аккуратно над камином приколочена. А подле – нога свояка! Так люди бают.

– Ээ... так свояк или кум? – весело подначил я.

Дед засмутился, надвинул шляпу на глаза.

Мы переглянулись с Унрулией, та зашептала недовольно:

– Уже знаем про соседей, про родню и семейную историю на два десятка лет взад! Может, хватит?

– Ну уж нет! Три золотых! Да я стану слушать про каждый лесок, про каждое дерево и травинку!

Унрулия приснула тихонько, зажав рот ладошкой.

Едем дальше, возок потряхивает на корнях, наконец и её сморило. Склонила голову мне на плечо, и я замер, боясь шевелиться, вдыхая чужой аромат.

На обочинах непролазный кустарник, подбирается подлесок, следом чаща спускается с мелких холмов. Высоко над головами кроны множеством зелёных пальцев прикрыли небо, понизу растительность такая густая, в двух шагах не видать.

Унрулия заворочалась, я прошептал на ухо:

– Не нравится такая глушь совсем рядом со столицей.

Молодая женщина хлопнула пару раз длинными чёрными ресницами и подобралась. Взяла за руку сына. Я повернулся к вознице:

– Эй, дед! Как, говоришь, деревня твоя зовётся?

Дед делает вид что глухой, с посвистом щёлкнул поводьями, кобыла дёрнула и понесла вскачь. Возок прыгает колёсами в колею и обратно, я вцепился в борта.

– Что творишь, стой! – закричал я. Вредный старик резко потянул поводья, лошадь на дыбы, возок занесло и правые колёса оторвались от земли. Я вылетел кубарем в ближайшие заросли, из повозки крик. От дальних кустов несутся двое: тощий мужик в роскошном бархатном жиппоне с чужого плеча, бородачи по грудь, а в руке меч тусклого дрянного железа, и разбойник с кистенём, кожаная кираса едва держит напор пивного пуза. Пузатый огромными ручищами сразу сграбастал мальчишку, перехватил локтем за горло и шарит в поисках верёвки, та зацепилась на поясном ремне. Бородач ухватил за волосы и тащит Унрулию. Та вывернулась и как дикарка вмиг располосовала ногтями разбойничью харю. Бородач с руганью выпустил меч, вцепился клешнями в тонкие запястья.

– Пузан, лови, там ещё один, третий! – возопил подлый дед, корявый палец указывает в мою сторону. Я прыгнул на спину в сером бархате, она ближе. Сверкнуло лезвие, вонзил кинжал со всей дури в основание шеи. Кровь струёй вверх, мигом промочила пегую бороду. Унрулия с ужасом отдирает уже мёртвые руки, мелкие красные капли добавили зверских родинок на смуглое лицо.

Пузатый вожак взревел, одним движением отшвырнул Эритора и ринулся к нам, кистень гудит и воет над головой. Рука разбойника замедленно пошла вниз, камень кистеня плывёт прямо в лоб. Я бросился под ноги, разбойник через меня кувырком. Тупой удар по спине, боль вспыхнула и сразу пропала. Оглянулся, разбойник лежит рядом, рёв сменился мычанием, рука неестественно вывернута, рукоять кистеня подле дрожащих пальцев. Я подполз на локтях и безжалостно ударил ножом под кирасу ещё раз. Разбойник взвыл, схватился за живот. Засучил ногами, дёрнулся в последний раз.

– Всем стоять, мальчишку зарежу! – гаркнул подлый дед, держит узловатыми пальцами за шкуру кривой засапожный нож кончиком у горла меж ключиц. Унрулия замерла натянутой тетивой. Я приподнялся на локте, перепачканная кровью ладонь раскрыта к старику. Пальцы резко сжались в кулак, оберег на груди Эритора вспыхнул алым светом, разбойника швырнуло назад. Эритор повалился как сноп, на шее набухает красными каплями, потекла кровь. Унрулия с криком бросилась тормошить, голова сына мотается как у игрушки-бол-

ванчика. Веки затрепетали, Унрулия смеётся и плачет, рвёт без жалости подол дорогого платья и спешит наложить повязку. Я глянул коротко – порезана лишь кожа. Устало привалился к мёртвому разбойнику.

– Виллейн, как ты мог!!! Ты чуть не убил Эритора! – бросила Унрулия, губы дрожат, грудь вздымается высоко и часто.

Я с трудом оторвал взгляд, перевёл на свои ноги. Только теперь чую далёкий пульс боли, слабый, где-то в пояснице.

– Вставай же, Виллейн! – бросила Унрулия не глядя.

Я пробую, на лбу бисеринами ледяная испарина – забыл, как это делается! В панике оглянулся – Унрулия занята сыном. Опёрся ладонями о землю, пытаюсь хотя бы сесть. Вдоль спины стрельнуло, болезненный разряд от шеи до пояса, ниже ничего, исчез как растворился. Рука подломила в локте, и я встретил щекой землю, от удара скулой из глаз брызнули злые слёзы.

За спиной Унрулии шевеление – у борта повозки дед, поднялся с трудом на четыре кости, зенки широко распахнуты, рожа красная, от бороды, усов и бровей ничего не осталось, а одёжка дымится. Я предостерегающе вскрикнул, но дед хапнул кошель с пояса Унрулии и на всех четырёх вломился в кусты, прочь от нас, бешеных. Я указал пальцем вслед.

– Не дайте уйти!!!

Унрулия не обращает внимания, преклонила колени рядом со мной, тонкие пальцы прошлись, разминая, по ногам. Но я не чую прикосновений! Прикрыл в бессилии глаза.

– Как угораздило! Зачем сунулся под удар? – укоризненно проговорила Унрулия. Я дёрнул плечом.

– Дед приведёт ещё, надо уходить! – добавила Унрулия.

– Не приведёт. Он утёк с твоим золотом, ищи теперь. Помогите забраться в телегу.

Подхватили за ноги и за плечи, еле подняли.

– Думала, ты – лёгкий! Камни на завтрак ешь?

– Мясо тугое и кости крепкие. Эй, я вам не мешок с мукой! – крикнул я, когда перевалили через борт. Повозка выровнялась на все четыре колеса, и меня подкинуло ещё разок.

Эритор в два касания на облучке, в руках вожжи. Щёлкнул неумело, понукая лошадь, но та затрусилась сама, лишь бы прочь от побоища.

– Дай погляжу! – запричитала Унрулия, пальцами задирает мне край куртки. – Ничего себе!

– Что там, спина сломана? – с трагическими нотками спросил я.

– Н-нет. Здесь огромный синяк.

– Тогда почему отнялись ноги?! Это пройдёт?

– Не знаю, к лекарю надо, в город. Или к магу толковому, только где их теперь взять... ты сам можешь что?

Я прикусил губу.

– В столицу ходу нет. Там смута и облыжные обвинения.

Унрулия оставила в покое, на смуглом лице понятная бледность, и выражение, как если набрала воздуха, но не решается сказать.

Возок бодро попрыгивает по лесной тропе, впереди светлеет. Унрулия сидит, приобняв сына, но поглядывает искоса и в мою сторону.

– Скоро лесу конец. Куда отправимся?

Я пригляделся к мельчайшим чёрточкам, они столь красноречивы! Женщина то хмурит брови, то вздыхает, тяжёлые думы морщат на миг гладкий лоб.

– В Ретунии были, гм, есть маги знатные. Да и вы сможете пристроиться, переждать у моей родни, – проговорил я старательно ровным голосом.

– У мелкиндов? – удивилась Унрулия, уголки губ пошли вверх в милой улыбке, на щеках снова ямочки. – Как среди вас спрячешься?

– Нет, я вырос в семье людей.

Унрулия хмыкнула, Эритор обернулся, рот приоткрыт, вот-вот муха влетит.

– Почему это так удивляет? – спросил я.

– Мне трудно представить, чтобы растила мелкинда, гнома, эльфа. Хотя эльфята – такие миленькие!

– А гоблины?

– Тьфу на тебя! Не смей говорить гадости при леди!

Унрулия топнула ножкой и хмурит брови, но на губах улыбка.

– О том и речь, кому милы эльфы, кому гоблины, но больше тех, кого терпеть не можем!

– Виллейн, а кого не любят мелкинды? – заинтересовался Эритор.

Я задумался.

– Себя. Меня вот выкинули на растерзание пустынным ящерам – так говорила тётушка.

Я свесил голову, но краем глаза вижу – Унрулия потянулась взять за руку, подбодрить. Почти коснулась когтей и отдёрнула.

– Тогда вы ближе к нам, людям. Мы тоже друг друга терпеть не можем! – выпалила она.

И отвернулась. Лес совсем поредел, но накинута подлесок. Разлапистые кусты цепляют за ноги лошади шипастой рукой, та ржёт и брыкается, выворачивает голову к нам, будто мы виноваты.

– До границы Ретунии близко... – задумчиво проговорила Унрулия через четверть часа.

– Близко-то близко, но через болота, а там тролли. Кое-кто похуже троллей – смердюки!

– Что за смердюки?

– Беглые, крестьяне, что удрали и от наших лордов, и от ретунских. Засели в болотах, живут, – я пожал плечами, – живут как могут, чужаков не выносят на дух. О них такие истории рассказывают...

Эритор покраснелся, глаза, такие голубые, широко распахнуты.

– Виллейн, расскажи про смердюков! И про троллей!

Я вздохнул. Кусты кончились, и кляча мерно тащит телегу вдоль опушки, просторы закрывает пологий холм.

– Жил-был тролль, сидел себе в болоте, растил лягух да пиявок. Однажды пришёл злой колдун с колдовским своим амулетом, зелёным да ядовитым. И пришлось троллю топтать в чужую страну, местному принцу на потеху и расправу...

Унрулия прислушивается, с улыбкой глядит на сына. Под конец улыбка застыла, как заморозили, пропала совсем.

– Где же принц Джетсет?

– Откуда знать? Тролль уволок на корм пиявкам, схарчил, утопил в болоте! – проговорил я зло. Махнул рукой. – При всей симпатии к Его Высочеству – сам виноват, нечего лезть сдуру. Себя погубил и меня подставил. Назвался принцем, руби тролля!

Эритор сжимает пальцы в кулак, на скулах желваки и дышит как боевой скакун.

– Унрулия, поговорим начистоту. Я вам в тягость, до ближайшего города десятки лиг, скоро болота. Уверен, за мной погоня. Ставлю сто золотых из твоего кошель, объявили меня главным злодеем, убийцем принца!

Унрулия замедленно кивает, так, что не поймёшь, согласна или просто: да-да-да, говори-говори. Я продолжил:

– Вам бы меня бросить, уйти вдвоём. С другой стороны, тоже бежите. От чего? Или – кого? – начал я, а сам ловлю тени чувств на прекрасном лице. – Ищут прекрасную женщину с ребёнком, найти будет просто, люди запомнят. Да и неприятности в дороге, сами видите, наготове.

Я замолк.

– Какой нам толк от калеки? – жёстко сказала Унрулия. – Это ты попался на сладкие уговоры дедка! Я ничего не решала!

– Я и поплатился за это! Посмотри на меня. Думаешь, не точила мысль – сбежать, оставить разбойникам на поругание? Вступился за вас, и что теперь?!

– Мама! Нельзя бросать Виллейна, о чём вы? Он спас нас, он... он герой, как отец!

Её щёки мгновенно залила краска. Унрулия быстро украдкой стрельнула глазами на меня. Старательно делаю вид, что барашки облачков на полуденном небе интереснее.

– Виллейн! Мы должны найти Джетсета! Мама, как ты не понимаешь, если король мёртв, Джетсет – единственный наследник!

Унрулия глядит куда-то вниз и вбок, проговорила медленно, через силу:

– Ты прав в одном, сынок: принца Джетсета нужно найти.

Глава 8

Небо пугает низкими облаками, под колёсами сухая насмерть земля в трещинах. Солнце льётся золотом, в самой вышине небесным ярусом редкие белые завитки. Мы успели порядочно отъехать от леса, горизонт уходит вдаль, и холмы, что всё реже, меняются плоской, как стол, степью. Травы жёлтые, до предела сухие, шепчут и жалуются под крепчающим ветром.

Я сижу, прикован к ногам, что лежат бесчувственным грузом поперёк воза.

Раскаркалось, взвилось над лесом вороньё, на опушке осаждали коней всадники в чёрных плащах. Озираются исподлобья, но наш возок удачно нырнул в ложбину.

– Эритор, правь в сторону, вон к тем зарослям ивняка! – скомандовал я, повернулся к Унрулии: – А ты сделай что-нибудь со следами!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.